

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 26

1969

Дмитро ЦМОКАЛЕНКО

**ТАЙНА УБЕЖИЩА
«FORTUNA»**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Дмитро ЦМОКАЛЕНКО

ТАЙНА УБЕЖИЩА «FORTUNA»

ПАМФЛЕТЫ

*Авторизованный перевод
с украинского Игоря Собчука*

Издательство «ПРАВДА»
Москва. 1969.

Дмитро ЦМОКАЛЕНКО

Д. И. Цмокаленко родился в 1922 году на Полтавщине. Закончил среднюю школу, работал в районной газете. Затем, с первых дней Великой Отечественной войны, — в Действующей армии на разных фронтах. Дважды ранен. Награжден орденами и медалями. После войны окончил факультет журналистики ВПШ при ЦК КП Украины, много лет работал на журналистской работе — в газетах «Радянська Волянь» и «Радянська Україна», в журнале «Жовтень» и издательстве «Каменяр» во Львове. В 1963—1966 годах был главным редактором республиканской газеты «Літературна Україна». Постоянно выступал в печати как литературный критик и публицист.

Им написаны прозаические произведения — сборники очерков и рассказов «Зарниці над Дніпром», «Шахтерская сторона», «Право на дружбу», повести «Суровое совершеннолетие», «Добрый вечер тебе, зеленая дубрава» и др. За журналистскую и литературную деятельность Д. И. Цмокаленко награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалью «За трудовую доблесть».

Предлагаемые читателю памфлеты Д. И. Цмокаленко впервые публиковались на украинском языке в его книге «Тайны далских берегов», удостоенной премии имени Ярослава Галана. Острые по содержанию и форме, памфлеты Дмитра Цмокаленко разоблачают предательскую сущность врагов советского народа — украинских буржуазных националистов, бежавших от справедливого возмездия за границу и вынашивающих в изгнании бредовые планы новых походов и войн против нашей Родины.

Д. И. Цмокаленко — член Союза писателей СССР.

ТАЙНА УБЕЖИЩА «FORTUNA»

Сирены взревели неистово и грозно. Казалось, даже заходящее солнце перепуганно захлопало длинными рыжими ресницами. Как шалый, дикий вихрь сметает сухие осенние листья, так и это пронизывающее до костей завывание сдувало людей со столичных околиц, гнало их в убежища, под каменные громады зданий, в общественные бункера скверов и пригородных рощ.

В считанные мгновения предместье опустело, замерло, в ужасе ожидая огненной ядерной лавины. Лишь у крутолобой бетонной глыбы, еле лоснящейся у дороги из-под кустов полудикого парка, еще растерянно метались люди.

Бородатый дедок, одетый по-сельскому, видимо, случайно забредший фермер, никак не мог затащить в нору под бетонной скалой упитанного парнишку. Тот упирался, не хотел лезть по ступенькам. Растерянный, вспотевший дед дотащит краснощекого мальчика по крутым ступенькам до самого входа, как тот вырывается и с хохотом ползет обратно, наружу.

Хохот еще сильнее раздражает тех, кто нервно топчется около убежища, — худощавого рабочего со смуглым и хмурым лицом и кряжистого, сутулого, будто придавленного годами дядьку в измятой шляпе и вышитой по-славянски сорочке.

И вот откуда ни возьмись — долговязый полисмен. Он умело и торопливо протолкнул пробку, сердито швырнул в черную пасть старого бородача с его непокорным потомком, вмиг освободил вход для тех, кто уже мог стать жертвой атомного налета. Хотел было уже запереть тяжелую дверь, но вдруг подлетел сопящий на полном газу «кадиллак», заскрипел тормозами.

— Быстрее, джентльмены! — нетерпеливо крикнул полисмен, поглядывая на часы. — Предсмертья кончается!

Из машины выпрыгнул седой джентльмен с лицом интеллигента, с кущеватыми бровями, под которыми мутные глаза были настолько перепуганы, что казалось, первыми шмыгнут в нору, оставив снаружи собственного владельца. Он все-таки успел проскользнуть в яму, которая могла в любой миг стать общей гробницей, но могла все же и уцелеть живым уголком на мертвой земле.

Шоферу же, который привез сюда интеллигента, не повезло. Дверь с лязгом захлопнулась перед его носом, и он забился, затрепетал на ступенях, словно обреченный, брошенный в тонущем челноке. Он корчился от страха, будто карась на раскаленной сковородке, а полисмен зло ухмылялся: «Поздно спохватился, растяпа. Вскоре от тебя останется пшик, да и то жареный...»

Внезапно лицо шофера прояснилось, отразило всплеск суматошной радости. В глазах полыхнула догадка: «Полисмен-то остается с ЭТОЙ стороны двери! Значит, тревога не опасная, учебная, пробная...»

Облегченно утерев пот со лба, шофер кинул успокоенный взгляд на бетонный валун, нависший над провалом входа. Чья-то рука вывела черной краской надпись на сизом бетоне: «Fog-tupa». Может быть, кто-то в самом деле верил в абсолютную надежность убежища, а может статья, вложил злую иронию в столь многозначительное название.

Водитель «кадиллака» сообразил, что повезло все же ему, а не тем, кто дрожит в подземелье со столь утешающим названием. Пока «счастливчики» будут задыхаться в этом наглухо закупоренном сейфе, он подышит прохладой осеннего вечера.

С этой мыслью шофер неторопливо подался в парк.

В убежище не сразу сообразили, что тревога ненастоящая. Под низким потолком камеры мутно сверкнул плафон. Лица счастливчиков, которым «почти гарантирована» жизнь, стали мертвенно-синюшными. Рассевшись на твердых топчанах вдоль стен, люди молча и пугливо поглядывали друг на друга. Лишь высокий джентльмен с лицом интеллигента торчал у входной двери и тяжело дышал, утирая платком потную шею. Стояла гнетущая тишина, нависшая над тесным подземельем такой же тяжестью страха, какой придавил всю страну, весь континент.

Внезапно в углу, на тумбочке, замигал голубыми бликами экран телевизора, и камера убежища ожила. На экране появился прилизанный диктор с физиономией, источающей елей, и, глуповато улыбаясь, спросил:

— Дамы и господа! Хотите ли вы выжить в будущей ядерной войне?

Никто не успел даже буркнуть что-либо в ответ на этот идиотский вопрос, как озорной мальчуган, уже задавший столько хлопот бородатому фермеру, выкинул новый фортель. Вскочив, он уставился в экран и пискливо заверещал, смеясь и всхлипывая. Фермер поспешно сбросил плащ и прикрыл им телевизор.

— Ох ты, горе горькое! Берегитесь, господа. Он не в своем уме... Полоумный, так сказать...

Тем временем «горе горькое», подпрыгнув до самого потолка, представило, как сжимает что-то скрюченными, дрожащими пальцами, пошарило взглядом по бункеру, метнулось к джентльмену с лицом седеющего интеллигента и схватило того за горло с истерическим воплем:

— Ага, попалась, шельма! Будешь знать, с кем волочиться!

Всем гуртом едва вызволили беднягу из рук мальчика. Интеллигент уже начал было пускать изо рта пузыри. Его затащили в туалет, сунули под кран голову. Кое-как оклемавшись, он замахал руками, требуя, чтобы его оставили в одиночестве и покое. Фермер плотно укутал телевизор плащом, с болью и озабоченностью поглядывая на своего несчастного «злоумышленника». Тот лежал на топчане, всхлипывал и дергался всем телом.

— Успокоился. Садитесь, джентльмены,— виновато уговаривал старик.— Только, упаси бог, не распеленайте эту дрянь. Вот такой же телевизор жестоко надругался над моим Тони и всей нашей семьей...

Перед седеющим господином, уже появившимся из туалетной и присевшим в сторонке на табурет, старый фермер был готов упасть на колени.

— Простите его, сэр. Он не виноват. Клянусь отчей землей Шотландии, не виноват. Ростом выбухал до потолка, а умишко беспомощный, квелый. Не выдержал, сорвался... Будь проклят день, когда я послушал домашних и за собственные доллары притащил в дом этот ящик горя. До этого жилось трудно, но спокойно. Бывало, приползем с поля поздно вечером, измученные, немощные, еле ноги переставляем, сяк-так поужинаем — и спокойной ночи. Одного меня мучила бессонница. Вижу себя попрошайкой, ободраным и голодным. Ферма моя трещит, расползается, будто старая торба. Кредиторы торчат над душой, дрожат от алчности, дожидаются, когда обанкрочусь и они последние тряпки сорвут с плеч. А в это лето еще и всевышний послал кару за какие-то грехи. Выжег засухой поля — лежат мертвые, как пустыня. Выплачивать нам ассурационные правительство не торопится. А вот с нас дерет всяческие налоги, как и поныне...

После долгой паузы он негромко продолжал:

— Ага, значит, про телевизор. Мало мне было ночных кошмаров, приобрел еще и вечерние. Перед тем, как соберешься упасть в постель, таких тебе страшилищ покажут, что в холодный пот бросает. И превратился наш тихий домишко в пытошную. То стреляют в кого-то, то кого-то режут, то вешают, или душат, или живьем на огне сжигают. А Тони все это принимал близко к сердцу. Сидит, бывало, смотрит и трясется всем телом. А ночью вскакивает, кричит во сне, переживает то, что

увидел вечером. Собирался я было давненько трахнуть эту коробку об пол, чтобы щепки от нее разлетелись, да пожалел. Деньги же уплачены, и немалые...

Сидим вот однажды вечером в темной лачуге. На экране — кошмар беспросветный. У нас даже волосы дыбом становятся. Никто ни словечком не обзовется. Все будто задохнулись от ужаса... Вдруг наш Тони ка-а-к кинется к сестре, ка-а-ак вцепится ей в горло. Мы остолбенели. Играет мальчик или копирует то, что увидел? Но какая же это игра, если девчонка забилась, будто птенец в петле. А ко всему сынок бранится омерзительными словами, которые только что процедил бандюга на экране: «Вот узнаешь, шельма, с кем волочиться!..» Вы уж простите, мистер. Такое с ним всегда повторяется, если увидит телевизор. И как я не заметил этот чертов ящик в этой душегубке?

Потерпевший господин что-то недовольно промышал себе под нос, но извинять полоумного мальчишку не торопился. То ли в нем еще кипела обида, то ли просто не мог опомниться. Смуглый рабочий пошептался с пожилым дядькой в вышитой сорочке. Поглядывая на несчастного Тони, оба сочувственно покивали головами. А тот лежал уже спокойно, кажется, даже уснул.

Фермер же вновь обратился ко всем со своим горем:

— Вот уже целый год тянутся мои хлопоты с мальчиком. И ничто не помогает. Думаю попробовать устроить его в столичный госпиталь. А если не удастся, прокляну все на свете. Землю родную прокляну, хотя она и ни в чем не повинна. О, я-то знаю, кто толкает нас на безумие. Здесь они, в Оттаве сидят, продажные чинодралы со своим премьером во главе! Чтоб они на белом свете добра никогда не знали за то, что разрешают всяким проходимцам творить бизнес на наших нервах и душах! Слышите, как пугает?

Все в бункере невольно вспомнили о дикторе телевидения, который бубнил, не умолкая, только охрип слегка, приглушенный укутавшими телевизор лохмотьями.

Не жалея красок, он уже успел обрисовать все «прелести» ядерной катастрофы. Да, война будет опустошительной. Но не следует верить ученым пессимистам, которые с перепугу предвещают конец света. Видите ли, уже создали в своем воображении бомбу со взрывной силой в тысячу мегатонн тротила. Если когда-нибудь такая бомба и появится, то только у нашей союзницы Америки, а не у ее противников. Одна такая штуковина, взорвавшись на высоте в пятьсот метров, способна выжечь до центра целую страну и все живое в земле на глубину около ста метров. Но не слушайте вражеской пропаганды. Коммунисты еще такой бомбы не имеют.

Раскланиваясь, диктор перешел на иной, успокаивающий, до тошноты сладенький тон, однако динамический, даже азартный:

— Любой атомный налет вы можете спокойненько пересидеть со всеми близкими у себя в подвале во «фолл-аут-шелтере». Эти семейные бункера предлагают вам по доступным ценам американские фирмы. Искренне советуем иметь комфорт даже в подземелье. Разумнее приобрести первоклассный «фолл-аут-шелтер» со всеми удобствами за двадцать тысяч долларов, нежели теснейший и менее надежный за две тысячи долларов.

Не отказывайте себе в вещах, которые сделают ваше пребывание в убежище уютным и даже веселым. Устраивайте в своих «фолл-аут-шелтерах» туалеты только корпорации «Эйдж». Удобные, пригодные даже для аристократов, сказочно дешевые — всего-навсего восемьдесят долларов.

Создавайте запасы ульцерина — лучшего средства от желудочных заболеваний, газообразования, скверного пищеварения. За двенадцать долларов можете приобрести бутылку, которой хватит на полтора месяца при ежедневном употреблении.

Не забудьте приобрести библию новейшего издания. Продается повсюду в магазинах Джеймса Петерсона. Экземпляр в переплете из искусственной кожи всего пять долларов. Святое писание лучше таблеток и облаток укрепит ваш дух в годину тяжких испытаний и отчаяния.

Леди! О вас заботится фирма «Ниагара». Чтобы не утратить естественный цвет кожи, чтобы не потускнел румянец ваших щек в устойчивом полусумраке убежища, употребляйте крем этой фирмы.

Джентльмены! Покупайте эликсир из редких австралийских трав. Радикальный экстракт поможет вам удержаться от курения табака в подземелье. Пусть не отпугивает вас цена. Берегите здоровье в опаснейшую пору!

Не обрекайте себя на полную изоляцию, на психическое истощение тревожными домыслами и догадками — устраивайте в своих убежищах радиотелефоны по 60 долларов и перископы по 203 доллара и 15 центов. К этому приобретите еще и антирадиационный костюм за 40 долларов — и вы не будете сгорать от любопытства после первого ядерного удара. Спокойно выйдите на поверхность и поглядите, что осталось от вашего соседа, пожевшего деньги на «фолл-аут-шелтер».

О завтрашнем дне позаботьтесь сегодня. Создавайте иллюзию нормальной жизни в своих убежищах.

Городским жителям рекомендуется прибор, способный имитировать в глубокой тишине привычные городские шумы: уличный гомон, звонки трамваев за окнами, далекие гудки поездов. Цена весьма умеренная — двадцать долларов.

Жителям сельской местности может быть поставлен автоматический петух. Кукарекает точно на рассвете весьма мелодическим голосом. Тембр и точность петушиного крика гарантируются. Цена — 15 долларов 10 центов...

— А, чтоб ты кукарекал до последнего вздоха! — с сердцем вырвалось у смуглолицего рабочего. В его речи, резкой и гневной, слышался отчетливый итальянский акцент.

— Кажется, слава богу, замолчал, — облегченно вздохнул фермер, но все же не осмелился снять с телевизора свой поношенный плащ.

— Я не о дикторе, сеньоры, — пояснил смуглый. — Он поет о том, что ему приказано и оплачено. Я о тех, кто приказал. По чьей лихой воле вся Канада превратилась в Содом и Гоморру. О нашем достойном премьере — чтоб ему во сне эти сирены слышались до последнего вздоха.

Сутулый дядька в вышитой сорочке боязливо оглянулся вокруг, словно опасаясь лишних свидетелей. Сожмуриив хитрые глаза, он подтолкнул локтем рабочего-итальянца и шепнул ему на ухо, кивая на онемевшего интеллигента:

— Может быть, шпик?

— Пусть слушает! — вскочил с топчана рабочий и подбежал к двери. — Слышите, вы? Передайте самому Джону, что я, канадский итальянец Кола Манзини, ругал его, как бешеную собаку!

— Но это же оскорбление личности! — внезапно, как-то затравленно огрызнулся прижатый к двери интеллигент.

— Ага, допекло! — еще сильнее распалился смуглый рабочий. — Выходит, вы тоже за него? Мало уже в Канаде таких осталось. Так знайте же, мне больше ничего не страшно. Пусть ваш Джон карает меня за оскорбление. Худшей «воли», чем я имею, даже в тюрьме не будет. Восемь лет безработным слоняюсь под воротами и заборами. Каждое утро выхожу из холодной хижины и иду голодный с объявлениями на спине и на груди: ищу работы, давно согласен делать что угодно, не по профессии, буду копать ямы, подметать улицы, хоронить утопленников. А такие джентльмены, как вы, поглядывают свысока, равнодушно проходят мимо да еще бросают сквозь зубы насмешечку: «Человек-сэндвич!» Но не воображайте, что меня так же легко слопать, как тот сэндвич, на который я смахиваю издалека со своими объявлениями внакладку. Прислушайтесь к моему молчаливому гневу, когда я вливаюсь в толпу таких же обездоленных, как сам... О, тогда я становлюсь сильным и свирепым, как зверь. И не советую вам оскорблять меня! Слышите?

— Не понимаю, при чем здесь я? — Седой попытался отцепиться от «нахала», но тот не умолкал.

— Как это — при чем? Это же вы, столичные господа, и ваши слуги разыскиали где-то на нашу голову этого болтуна Джона. Подняли такой галдеж перед выборами, что даже глухие спасения не имели. И безработицу, мол, полностью ликвидируем, и политику выровняем, и до войны не допустим. Нашлись такие, что поверили. На их доверии и затащили Джона в парламент, словно теленка на половике. А теленок оказался тупым бычищем. Эх, да разве дождешься чего-то толкового от коровы-консерваторши!

Вот и получили сегодня в Канаде «просперити». Уже от этого «расцвета» голова кругом идет, в глазах потемнело. Безработных в Канаде наверняка миллион будет. И нет надежды, что когда-нибудь станет легче. Консерваторы уже сами никакого выхода не видят. Слыхали, что недавно ляпнул министр труда Стар — верный прихвостень премьер-министра Джона? Утешил нас, нечего сказать. Нашел спасение! Развел руками и брякнул, что только подготовка к войне способна дать всем работу. Спасибо вашей бабушке, мистер Стар! Когда грянет война, уже никому не понадобится никакая работа. Даже пепел, который, возможно, от нас с вами останется, мистер, подметать будет некому и незачем. Да и нечего будет подметать. Все ветер развеет по диким пустыням. А вот сейчас, пока идет эта подготовка, прибыль имеете только вы, господа...

О-о, вы и здесь нашли, куда пристроить наши доллары и поживиться. Вот в эти «дифенбункера» закапываете, чтоб вам из них уже не выкарабкаться. И нас всех во «фолл-аут-шелтеры» стараетесь загнать. А нам не на что их строить, да и не хотим их строить. Лучше уж похоронить с почестями политику Джона Дифенбейкера, нежели живьем в семейных могилах чахнуть. Что? Вы, любезный сэр, думаете, разумеется, иначе?

— Я?.. — Интеллигентный джентльмен не находил слов для ответа. — Я... Вообще... Я ни о чем не думаю...

— А вы? — Возбужденный итальянец рассерженно повернулся к остальным случайным собеседникам.

Бородатый фермер лишь выразительно махнул рукой. Ждать от него каких-то слов было нечего. По-видимому, он полностью соглашался с безработным. Склонившись над притихшим Тони, он прислушивался, уснул мальчуган или еще мается.

Сутулый в вышитой сорочке сперва попытался отвести хитрые глаза от острого взгляда итальянца, но вдруг решительно кивнул головой, кашлянул в кулак и отважился ответить:

— Не скажу, господа, ничего доброго об этом премьер-министре Джоне. Когда-то не знал, что это за фрукт, и считал его порядочным человеком. Когда он к государственному корыту проталкивался, мою голову изрядным туманом накачали землячки-

«патриоты». Часто не своими, а их глазами глядел я на свет белый. Впрочем, вижу, вы все не поймете меня. Прошу прощения, но должен рассказать, кто я и откуда здесь взялся.

Вышвырнуло меня бедой на этот берег океана давно. Еще, дай бог память, в десятом году. Все мы люди пожилые. Помните, сколько нас приносило тогда со всех краев мира? Агенты не успевали в табеля записывать.

Будто сегодня вижу: стоит в красных крагах вербовщик, а мы около него тянемся вереницей, табунами. Едва успевает спросить у каждого: откуда, кто? Один назовется шотландцем, второй — испанцем, третий — итальянцем. Так их и записывает. Подошел и я. Говорю: украинец. Пожимает он плечами, рот искривил, будто перед ним не человек, а баран в овчине. Требуется удостоверение. Достаю. Прочитал и буркнул: «Так бы ты и говорил — австрияк!» Австриец, значит... Вот и хожу уже полсотни лет в «австрияках», потому что смолоду в Галичине под австрийским цесарем ходил. Правда, меня сразу же отыскивали те землячки-«патриоты», чтоб им пан бог пекла не пожалел на том свете! Но я лишь теперь такой стал мозговитый. А тогда верил. Вот они меня и утешали: ты корчуй леса, болтайся в болоте, паши, сей и жни, а мы будем тебе национальное достоинство отстаивать, отвоевывать, и свою державу добывать. От тебя хотим немного — вноси каждый раз свою лепту на наши церкви и издания. Так и обдурили болвана. Всю жизнь из-за колокольного звона тех церквей правдивого голоса о родных краях не услышал. Читал тоже только то, что в «Канадском фермере» или «Украинском голосе» мои «благодетели» писали... Люди добрые, чего-чего только эти «патриоты» не выдумывали! Если бы от лжи руки корчило, то мои «защитники» давно бы не смогли подставлять жадные горсти под наши доллары.

К душе моей подбирались остороженько, тихонечко. Сперва этак-то жалобно-жалобно завели: «Ох, и бедный ты, Андрух, аж синий!..» Правда, думаю, бедный, аж синий. Как говорят у нас на Украине, прочный злыдень. А они гнусают свое: «И прав у тебя не больше, чем у зайца в чистом поле. Только удирать от беды можешь, пока ноги носят!» И с этим согласен. Не напрасно же занесло меня за океан-море. От лихой своей бедности метнулся за тридевять земель. А они нашептывают: «Было все это в старом краю. Теперь ты на свободной земле станешь хозяином, добро наживешь и дашь врагам своим через океан здоровенную дулю!» Ага, думаю, ткнуть кукиш тем, кто меня к бедности привел, — дело вроде бы стоящее. Не совсем уже и верю, но уж очень хочется мне этот кукиш ткнуть панам и подпанкам на Галичине, где от моего хозяйства плетня не осталось. А мне все поют: «И это не все, Андрух. Пока ты зажи-

вешь здесь в роскоши да научишься хорошо дули сучить, мы тебе сообразим твою собственную национальную державу. Соборную и самостийную Украину соорудим. Перестанешь быть австрийцем. Вернешься в отчий край казаком-украинцем. Вот только не хватает нам державных мужей. Но мы их отыщем. А ты не сомневайся, поддерживай, не жалея долларов для великой цели...»

Ох, и принялись же с меня лупить эти доллары! И на Центральную раду, и на Директорию, и на Петлюру, и на Петрушевича, всех уже и не упомяну. Длинная это была акция и грустная. Где-то там, в родном краю, нашего «проводника» с его «войском» валтузят так, что за океан пух и перья летят, а мои наставники печаль слезами заливают, режут, скулят, будто соревнуются с колоколами, что панихиды за упокой наших атаманов да кормчих вызывают год за годом. И мне тоже невесело — гибнут «надежды»! Годы шли, а я, словно слепой, за обманщиками тянулся. Верно, понемножку стал разуверяться. От Бандеры, который перед второй мировой войной откуда-то выполз, добра не ждал. Прослышал, что он вместе с гитлерчуками ножи точит на ту же самую «неньку», которая должна голос подать, созвать в свое лоно всех нас, убогих деток своих. А когда узнал, что в старом краю вытворяли бандеровцы, схватился за голову и проклял их вместе с их «богом-фюрером» Адольфом.

Надеялся, что после войны мои «просветители» дадут покой. Не тут-то было. Гляжу, они отрешиваются от Гитлера, от его выкорыща Бандеры со всеми его бандеренятами. Раздумываю себе: могли ведь и ошибаться политики, хотя очень уж ревностно восхваляли прежде этих же горлопанов-бандеровцев. Вот так колеблюсь, но против них еще ничего не предпринимаю, а порой еще и верю им.

Теперь они потихонечку-помаленечку так дело поворачивают, будто бы я уже и на чужбине полностью счастливый. И даже своей государственностью могу пользоваться. Точнее, будто Канада уже из мачехи для меня родной мамой становится. Не зря же, мол, ты на чужих праздниках подпеваешь и англо-канадцам и франкоканадцам: «О Канада, страна всех свобод...» И что им, что даже англосаксам и французам, сумевшим лучше нас здесь устроиться, не всегда сладко этот гимн распевать. Мы же еле мурлычем, скривившись. А в жизни иные песни поем, горькие и невеселые. О том, что в Манитобе тяжело людям, как скотам, что не лучше и в Альберте, где все оборванные, как старцы. Сущая правда в тех песнях, люди добрые. Если взять меня и большинство таких, как я, прибывших сюда в разное время из Галичины, из Буковины, из Закар-

пятья, с Волыни, то нет нужды искать больших злыдней. Разве лишь чуть получше эскимосов и индейцев справляемся. Так те ведь и вовсе гибнут от нужды в нашей «стране всех свобод».

А «патриоты» все продолжают баламутить мою душу, чтобы случайно не опомнился: «Гей-гей, Андрух, не знаешь ты, кому хуже всех на свете живется!» И уверяют, что в старом краю поныне мучаются мои братья и сестры, да пострашнее, чем когда-то. Письмам, получаемым с той стороны, не верь, мол. Им, дескать, не велено писать правду о коммунистическом режиме. Если бы теперь встретил кого-нибудь из тамошних, ужаснулся бы. До того там измучены и стар и мал, до того «омоскалены», что нет уже надежд жизнь дожить. Вот так и скулили из года в год, что и впрямь слезы у меня покатались. Почти поверил, телепень старый. Но послушайте же, куда они меня снова толкают. «Стар уже стал ты, Андрух. Подтоптался. Сам, по всей вероятности, в далекий поход не годишься. Но сыновей своих благослови. Пусть готовятся понести из-за океана счастье братьям на Украину полными торбами. А волю им добудут острыми клинками!» Вот такую муть развели.

И беспокоит их будто бы единственное: слишком уж далека и темна дорога. Но даже из этой сумятицы выход ищут. Сболтнет что-то воинственное президент или какой-то генерал в Соединенных Штатах, а у них глаза горят от радости. Еще бы, значит, вскоре вспыхнет где-то пожар и осветит им ту темную дорогу. Или затрясет бомбой Аденауэр в Бонне, Франко в Испании или какой-либо Чан Кай-ши, и они землю под собой каблуками роют: недолго, мол, ждать. Скоро в поход тронемся.

Теперь вернусь к нашему премьеру Джону Дифенбейкеру. Может, притомил вас своими побасенками? Прошу прощения! Хочется выложить все, что на душе накипело. Едва Джон захватил федеральную власть, наши «патриоты» еле не полопались от восторга: «Вот этот наконец сумеет поджечь мир!» А я не поверил. Наслушался в предвыборной кампании славословия этого самого Джона. Но вдруг узнал, что в Объединенных Нациях наш Джон такую врезал речугу насчет Украины, которую могли продиктовать только «патриоты». Эге, думаю, а твое какое собачье дело совать свой длинный нос в украинские наши дела? Неужели нет у тебя иной заботы, кроме чесотки всяких «освободительных походов» на землю моих братьев? Может быть, они и вправду так там избедовались, что просили тебя помочь? Так нет же, не было такой просьбы. Многие пытались принести им «волю» отсюда, из-за морей-океанов. А где они теперь? Кто в земле истлел, а большинство обратно драпанули и постепенно издыхают здесь, завывая на луну, слов-

но волки. И вновь не тороплюсь с выводами. Просто очень уж удивил меня Джон своей брехней.

Но как-то довелось мне попасть в Виннипег, на торжественный слет канадских украинцев. Вот там и рухнуло окончательно мое доверие к Джону. Не только я изловил его на черной лжи. Он всей нашей братии такое плел в глаза, чего даже в ООН не осмелился. Вот многие и сообразили, что это за тип.

Съехалось нас на те «импрезы»¹ порядочно. Еще бы, памятник Шевченко, созданный на наши доллары, открываем. Скульптура еще брезентом окутана. Замерли мы, не шелохнемся. Кажется, никто не дышит даже. Еще бы, минута-то какая! Величайшему нашему поэту почести воздаем!.. А тут как двинут вдруг на наших глазах к монументу целые отары долгогривых, черносутанных попов, «князей церкви», владык, митрополитов и прочих отцов да монсеньоров! Здесь и митрополит Илларион, и митрополит Максим, и архиепископ Кушнир, и духовенства чином поменьше тьма тьмущая. Стало мне больно за нашего Тараса. Знаю, не жаловал он «святых» словоблудов. Если бы у него глаза открылись да речь вернулась, ох, и дал бы он этим длиннорясым! Уж так бы громовым своим голосом отхлестал! Признаюсь вам, я тоже никогда не верил попам и их царству небесному с боженькой во главе. Здесь моей Соломии нет, значит, могу даже перекреститься: ей-богу, не верил в бога. Но в церковь похаживал, чтобы от Соломии отцепиться. И крестился бездумно, как автомат.

Вот, значит, сперва плел всякую чепуху кто-то из тех больших попов. Не разглядел, так как стоял далековато. И не сожалею. По его словам получалось, что Тарас Шевченко всю свою жизнь только молился и плакал да выжидал, что вместо царя московского на Украину заявится кто-то из чужих повелителей, либо австрийский цесарь, либо даже сам президент из Вашингтона. Тьфу на тебя, изувер длиннополый! А затем загудели вокруг «патриоты» поменьше, которые тоже вперед не протиснулись. Радуются, что сам премьер Дифенбейкер выступит. Его я тоже не видел, но по радио слушал всю его байку. Он просто повторил то, что до него поп с крестом гудел. А «патриоты» из кожи лезут, пританцовывают в беспамятстве: «Вот это разум!.. Под конец он даже Шевченка продекламирует...» Повернул стихи Шевченко вверх ногами. Вышло так, что именно мы, в Канаде, и есть «семья вольная, новая», а там, где Тарас живым ходил, до сих пор «кругом неправда и неволя».

Тут я и сказал себе, хватит торбу на голову натягивать, чтобы света не видеть. Какой мы семьей здесь живем и какую уху

¹ Мероприятия (польск.).

хлебаем — уж это я отлично знаю. Ну, а что делается в отчем краю, лучше всего погляжу сам. Даже на «импрезах» до конца не побыл, подался в путь-дорогу собираться. Хорошо, успел на «Баторий», отплывавший на ту сторону океана. Поехал, хотя шифкарта обошлась мне в копеечку. Да я не жалею.

Люди добрые! О том, что видел я на родной земле, не в этой могиле рассказывать. Живут мои братья в достатке, без лишнего богатства, но свободно и весело. Державу имеют не выдуманную пустыми головами, а настоящую и огромную. От Карпат до Белоруссии, до Слобожанщины, до Черного и Азовского морей раскинулась эта вольная держава. Над здешними «вызволителями» земляки наши насмеются так же хлестко, как когда-то запорожцы над турецким султаном. Ну и говорят, что в случае чего могут хорошенько встретить непрошенных гостей и имеют все, что для этого понадобится.

Вот так и поймал я нашего премьера Джона на лжи. Теперь не слушаю, что бы он ни болтал. Был как-то в Торонто, а его тоже принесло туда выступить на нашем съезде. Сажу в уголке, среди таких, как сам, и впечатление такое, что собрались мы кум до кума со своими хлопотами в вечернюю пору, а чей-то лютый пес еле не лопаётся от лая, мешает потолковать мирно и тихо. Да лишь бы только потолковать, а то еще и ужасы нагоняет, пусть бы кукиш ему в нос! Вот та «дуля», которую меня когда-то «патриоты» крутить учили.

Едва рассказчик умолк, седой интеллигент чихнул у двери, вероятно, хотел что-то сказать, но в этот миг снова отозвался диктор. Он сообщил, что учебная противоатомная тревога закончилась успешно. Население в городах и селах действовало послушно и согласованно. По предварительным данным, от ядерного удара «погибло» всего-навсего четыре миллиона человек. Исчезли без вести многие высшие государственные чины. Пропал бесследно даже премьер федерального правительства, и телестудии не известна ни его судьба, ни местопребывание. Диктор медовым голосом закончил:

— Поздравляю с победой, леди энд джентльмены!

С лязгом открылась дверь бункера. Господин с лицом интеллигента и седеющими висками первым вылетел пулей, на миг задержался около полисмента, о чем-то подумал, затем прыгнул сразу через несколько ступеней и выскочил наружу. От шелестащих у шоссе деревьев, где приткнулся сияющий «кадиллак», послышался голос шофера:

— Я здесь, господин премьер!

Тот оглянувшись, боязливо прислушался к глухим человеческим голосам, звучавшим еще в норе под глыбой бетона. Возможно, он колебался, не приказать ли полисмену снова за-

хлопнуть нору, чтобы не повылезли из нее эти вольнодумцы, возможно, решил, что для собственной репутации лучше промолчать. Пусть уж услышанное останется тайной убежища «Fortuna».

*

От автора. Вероятно, дорогой читатель, ты не ждал такого финала? А я не мог иначе. Писал эту вещицу в форме юмористической новеллы. Значит, нужно же хоть кое в чем придерживаться законов жанра. Есть в повествовании еще одна неожиданность: точно такой истории не было, хотя это не выдумка. Я лишь на минутку загнал канадского премьера в одно из убежищ, которые его соотечественники прозвали в его же честь «дифенбункерами». Пусть послушает, что говорят о нем и его политике в народе.

Впрочем, даже это нельзя считать моим абсолютным домyslom. Прокатился слух, что в подобную оказию канадский премьер действительно угодил во время атомной тревоги, называвшейся у них операцией «Токсин».

Все, о чем здесь идет речь, слышал я от живых людей. От фермера-шотландца, которого встретил с его горестями в Онтарио, от рабочего-итальянца, с которым толковал в Квебеке, от земляка-галичанина, который наконец прозрел в Манитобе. Жаль, что передать смог лишь часть рассказанного ими.

А того, что осталось в их сердцах, хватит еще на иную новеллу, грозную и гневную, для кое-кого трагическую. И тоже — с неожиданным концом.

МУЧЕНИЯ СМИРЕННОГО ИЛЛАРИОНА

Он сидел у стола в полутемных палатах храма Пресвятой Троицы, икал и дергался, словно юродивый. Такое творилось с ним всегда, едва возникала необходимость протянуть руку к раскрытому тому «Кобзаря». Казалось, не книгу ощупывает его костлявая рука, а бомбу или брусок динамита с подключенным к нему запальным шнуром. Вот так внезапно бабахнет громоподобно и разнесет в пыль и шитые золотом митрополичьи ризы и грешную его, продажную душу. Но деваться некуда! Вновь до зарезу нужно заглянуть в это «страшилище». Может быть, удастся выхватить из самого огня хотя бы несколько пылающих слов, притушить их и втоптать в текст юбилейного «послания».

А начало, так сказать, «преамбула» этого «послания» уже кое-как нацарапана:

«Милостью божьей смиренный Илларион, митрополит укра-

инской греко-православной церкви в Канаде — ко всему преосвященному епископату, ко всему всечестному духовенству, преподобному монашеству и ко всем боголюбивым верующим...»

А вот дальше тиснуть бы что-то из Шевченко. Да такое, чтобы сразу за души схватило этих «боголюбивых». Прочно, цепко, словно клещами — чтобы никто не трепыхнулся.

О, как тяжело и опасно обращаться за помощью к праведнику Тарасу. Он же так часто в минуты своей «человеческой немочи» подавал голос против самого «всевышнего» на небесах, а его земных слуг в рясах и сутанах чехвости, как бродяг и злодеев. Хотя бы для начала отыскать что-то смиренное и богоугодное.

В отчаянии схватил книгу и раскрыл ее на свою беду как раз на странице, с которой, словно плетью, хлестнуло по глазам:

Он подлецом и был и будет.
Зачем же он иным слывет?
Зачем никто не наплюет
Ему в глаза? О люди, люди! ¹

Сперва оторопело замер, принимая убийственный гнев этих слов на свой счет. Затем нервно вздернул на лоб очки, поднялся с места и принялся мерить шагами палату из угла в угол.

Нет, нет! Не его, еще не зачатого в далекие те времена, хотел раздавить своим презрением поэт. Он-то уж как-либо выкарабкается из-под обвала этих слов, зная, на кого они были обрушены. «Потомка гетмана дурного» — Петра Скоропадского живьем похоронил под ними неистовый Тарас.

А он ведь совершенно не причастен к гетманщине. Наоборот, уже более сорока лет носит в «экзиле» ² репутацию борца, выступавшего против последнего из Скоропадских на Украине. Именно ему, по-мирски Ивану Огиенко, тогда еще не имевшему даже мысли о духовном сане, сам Симон Петлюра вручил портфель министра Директории и нож «просветителя» национально «несознательного» народа. Верно, недолго довелось тешиться министерскими атрибутами. Очень недолго. И самого «батюку атамана» и всех его министров постигла участь незадачливого гетмана Павла Скоропадского. Так и остался украинский народ «несознательным», неблагодарным к своим «освободителям». Этот же народ сам и вымел прочь из своей хаты весь петлюровский сор и насмешливо пропел вослед: «В вагоне — Директория, под вагоном — территория...»

Тяжко и грустно все это вспоминать. Да и не время нынче раздумывать о делах земных и мирских. Он должен во что бы

¹ Т. Шевченко. Перевод В. Звягинцевой.

² Буквально — в изгнании (англ.).

то ни стало удержать в себе искусственную святость хотя бы до тех пор, пока не закончит адову эту работу. Воздев к иконам глаза, он прошамкал старческими губами: «О Христе-боже мой, возвесели силою твоею благоверные люди, даруй им победу над супостаты, господи! Пошли имущим оружие твое — силу непобедимую!..»

Пугаясь собственного шепота, он сторожко оглянулся вокруг. Не подслушивает ли, упаси господь, кто-либо из этих прогрессистов? Вдруг снова угадают, что молится он об американском ядерном оружии. Уж вовсе ни к чему, чтобы верующие пронюхали об этом его самом тайном вожделении, о мечтах.

Верующие должны молиться и плакать, слушая, как он, высокопреосвященный митрополит Виннипега и всея Канады, учит их покорности и боголюбию не как-нибудь, а словами Тараса Шевченко. Только где же они, эти спасительные слова?

Перелистывая «Кобзаря», он внезапно и радостно оживился. Гаснущая память подсказала: «Марина!» Да, здесь можно кое-чем поживиться, кое-что стибрить у вольнодумца. Разумеется, не эти строки, где легко можно узнать самого себя: «Того и зверь не может дикий, что вы, поклоны отбивая, творите с братьями...»

Ага, вот это, наконец. Здесь можно помудрее да похитрее перевернуть, как надо. Подать в «послании» так, будто поэт всегда одну руку клал на скрижали закона божьего (вот там, где глаголется от Матфея), а второй писал обращенные к угнетенным и поневоленным братьям своим успокоительные слова. Будто он вовсе не призывал к топору, а мягко уговаривал, «чтоб научались путями добрыми ходить, святого господя любить и брата миловать...»

Изрядно взопрел смиренный, поспешно выкладывая на бумагу извращающую поэта кривду. Умаявшись, он неторопливо отложил ручку и замахал своей десницей над потным челом, отгоняя совсем иные, жалящие слова, пчелиным роем кружащиеся в мозгу:

...Будем лучше
С багрянниц онучи драть,
Из кадил табак курить,
Печь иконами топить...
А кропилом будем, брате,
Подметать пол в новой хате! ¹

О прочь, прочь греховные кошмары! Не мешайте тянуть дальше ниточки лжи, отысканные ценой таких дьявольских усилий. Но к этой пряже позарез нужны мысли Тараса о люб-

¹ Т. Шевченко. Перевод А. Безыменского.

ви к Украине, да хорошо бы одновременно к богу... Но где такие найдешь?

Вот тут-то совсем сбитого с толку владыку постигла уж вовсе неожиданная оказия. За спиной что-то глухо шлепнулось на пол. Он порывисто повернулся и заметил, как из его свалившейся митры выскочила и шмыгнула под шкаф здоровенная крыса с голым хвостом. А может, это померещилось? Он обрадовался бы, как ребенок, окажись это обычной старческой галлюцинацией. Они повторяются частенько, почти весь восьмой десяток лет. В часы одиночества и тоски ему постоянно чудится всяческая пакость. На прошлой неделе видел наяву живехоньких чертей с рожками и копытцами.

Сегодня же в его палаты наведалься обыкновеннейший «пацюк» — злющая голохвостая крыса. Она, вероятно, давно уже затесалась сюда. Вон в шкафу погрызены книги, собственноручно им написанные. Изуродованы корешки и переплеты древней библии в его переводе, «исследования» об автокефальной церкви, деяний Кирилла и Мефодия. Да и новейшие изгрызены — «Святая Почаевская лавра», подшивки журнала «Вера и наука» с его стихотворным циклом «Под небесами», даже словарь языка «Кобзаря», составленный его митрополичьей рукой и им же «истолкованный», изданный националистическим союзом «Трезубец».

Но не эти утраты окатили смиренного морозом, будто когтями между лопатками рвануло. Неужели снова куда-то бежать, удирать, скрываться? Кажется, в этом мире уже не осталось для него надежного пристанища. Только потустороннее.

Крысы на всю жизнь запомнились черными вестниками беды и скитаний. Началось это в Киеве, в окаянном 1918 году. Его тревожный сон оборвал настойчивый грохот в дверь. Впопыхах сунул ногу в башмак и завизжал от ужаса. Наступил на что-то живое, теплое, щетинистое. Вытряхнул из ботинка хвостатую крысу и чуть не умер с перепугу. А на пороге появился вестовой от самого «головного атамана»:

— Торопитесь, пан министр! Удираем! Красные уже на Биби-ковском бульваре!

С той поры начались мытарства. Не успел отдышаться в Каменце-Подольском, натянуть на плечи профессорскую тогу, как от красной «инвазии»¹ пришлось драпануть в самую Варшаву. Там задержался подольше, сеял с университетской кафедры ненависть, темень и коричневый яд национализма. Но покоем уже не обольщался. С ужасом ждал, что из «умиротворенных «крес»² хлестнет народным гневом в панскую Варшаву, смоет

¹ Наступления (польск.).

² Окраин (польск.).

и его прочь не только с кафедры, но и вообще с этого света. Тогдашняя «Жечь Посполита» уже не казалась надежной норой. Он понимал, что от любого толчка она развалится в любой миг. Лишь только нашествие гитлеровцев принесло облегчение. За спинами вояк фюрера показалось спокойно. Он был настолько благодарен «спасителям», что даже харитонизировался в епископы, чтобы помогать им молитвами. Грезил о том, как сядет не на эту далекую холмскую епархию, а на центральную — киевскую.

Вдруг однажды утром появился лихой вестник. Накануне у отца епископа была такая милая встреча с приближенным Гитлера и Гиммлера, губернатором Варшавского округа Людвигом Фишером. Вежливый гауляйтер признал все заслуги Ивана Огиенко перед рейхом. Был приятно удивлен мудростью верно-подданного епископа, который аргументированно доказывал духовное родство автокефальной церкви с арийством. Окрыленный этим признанием, Огиенко помчался в склеп собора за новыми аргументами. Вытащил из архивных полок пачку пропыленных бумаг и отскочил с перепугу — через его плечо прыгнула огромная крыса.

А вскоре — полубезумный «блицдрапенмарш» в западные зоны разгромленного рейха. Верно, там легко открестился перед новыми хозяевами от предыдущих грехов и спустя несколько лет покатиł свою черную душу через океан, на американский континент. Тут, в Канаде, в 1951 года таскает на себе митрополичий саккос с омофором и называется уже не Иваном, а Илларионом. Надеялся, что уже до последнего вздоха доживет в золотых ризах, а тут снова зловещая примета. Куда же теперь? Сжав голову ладонями, он потряс ею и пробормотал, словно молитву, строфу собственных стихов: «Оставь все будничное, человек, и только вспоминай о божьем...»

Но уже не мог отыскать преподобный согласия между собственными мыслями и этим непокорным «Кобзарем». Шелестел в беспамятстве страницами, ужасался каждой строфе-молнии, отдергивал голову, хлопал глазами, едва не лопающимися от огня Тарасовых слов:

...А покуда
Я не знаю бога...

.
Потому что
Нет на небе бога! ¹

.

¹ Т. Шевченко. Перевод А. Твардовского.

И на апостольском престоле
Монах откормленный сидит,
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!..¹

Святого нет, хула всему,
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

.....
Молитесь правде на земле,
А больше на земле никому
Не поклоняйтесь...

.....
Брешут боги,
Те идола в чужих чертогах...²

Но не хватит ли ему мучений? Зло трахнув книгой по столу, он припал к страничке своего «послания». Как «логический» вывод из прочитанного, черным по белому писал:

«Всю свою жизнь Шевченко был человеком глубоко религиозным. И писал он как религиозный поэт. В его «Кобзаре» нет страницы, где не упоминались бы слова: бог, господь, божий, святой, и так далее. Сочинения Шевченко всегда религиозны...»

Ух, как тяжело дается даже последняя точка. Глубоко вздохнув, он еле-еле, едва заметно то ли скривился, то ли усмехнулся, поглядывая на правую руку свою с зажатой в пальцах ручкой; был неожиданно изумлен, что и на этот раз она еще не отсохла.

Насилу поднявшись из-за стола, он поплелся к кушетке, изнеможенно упал, словно труп, не смог даже перекреститься.

Вот так и родилось на свет божий пасквильное «послание» митрополита Иллариона по поводу юбилея Т. Г. Шевченко. Многие из тех, кто должен был плакать и молиться, взволнованно прочитав или прослушав с амвонов это «сочинение», называли «преосвященного» жуликом и прохвостом. Не задали себе хлопот даже представить, сколько нестерпимых мучений взял на себя смиренный. Какая черная неблагодарность!

Пусть же этот рассказ поможет митрополиту Иллариону определить настоящую цену своим «писаниям» еще до последнего бегства в безвестие.

¹ Т. Шевченко. Перевод В. Державина.

² То же. Перевод П. Карабана.

О нем я не могу сказать ничего плохого. Сосредоточенно вдумчивый взгляд серых глаз, интеллигентная седина висков, аккуратно подстриженный ежик серебристых усов, элегантность движений — эти обычные для многих канадцев черты ему как-то очень идут. И что в особенности приятно — первое впечатление о нем остается прежним и после продолжительной беседы. Да, да, я уже имел возможность писать, что всем нам, гостям университета в Манитобе, президент этого уважаемого заведения мистер Гюдж Сандерсон показался человеком порядочным.

Тем более мне стало жаль доктора Сандерсона, когда я узнал о недавнем его конфузе. Если все было именно так, как об этом рассказывают, то я могу только глубоко посочувствовать и мистеру Сандерсону и тем его ученым коллегам, для которых репутация родного колледжа все-таки чего-то стоит. По всей вероятности, не только рекламный энтузиазм вкладывали они в те слова, которыми пестрит цветастый путеводитель для экскурсантов: «Манитобский университет, основное научное и исследовательское учреждение на западе Канады, является центром гуманнейшей мысли и благороднейшей деятельности, имеет широкое влияние на жизнь общества вне его собственных академических аудиторий».

Однако я должен рассказать об этом печально известном случае, хотя не испытываю от этого удовлетворения и приятных чувств. Однажды в Манитобский университет пожаловала делегация ученых-гуманитариев из нашей страны. Конечно же, такие гости не могли застать мистера Сандерсона врасплох. Уже первые вопросы «наивных» чужестранцев вызвали у президента удивленно-извиняющую улыбку. Интересуются, не угасает ли дух человечности в этом храме науки? Если бы они немного знали историю и современную будничную жизнь колледжа, не тратили бы ни минуты на подобные вопросы. Что может угрожать здесь гуманизму и человечности, если вся учебная и воспитательная деятельность храма науки освящена крестами католической, англиканской и пресвитерианской церквей? Даже маленькие группы студентов различных национальностей не остаются вне влияния религии, очищающей души и пробуждающей совесть. К примеру, украинский отдел кафедры славянской филологии. Здесь любовь к ближнему возвращают профессора греко-католической и греко-православной веры. Мистер Сандерсон не знает их языка, но все, что ему переводят, не вызывает ни малейших сомнений: ученые-украинисты

воспитывают молодежь, достойную текущего двадцатого столетия.

— Простите, мистер президент, но у нас есть некоторые опасения,— возразил один из гостей, старенький, но весьма подвижный и крепкий историк из Львова.— Разумеется, у вас есть вполне порядочные украинисты, но, прошу пана, к вам за океан улизнуло и много злодеев, самозванцев. Есть они и у вас, и я не уверен, что свежее испеченные магистры и доктора отмыли руки от народной крови. Убежден, что совесть их запятнана навечно. Если вы, мистер президент, хотите лучше знать собственные кадры, мы можем ознакомить вас с «заслугами» каждого поименно.

— О, номина сунт одиоза! ¹— схватился мистер Сандерсон за латинскую поговорку, чтобы как-то отвлечь внимание вьедливого гостя от малоприятной темы.

В самом деле, к чему имена этих профессоров? Они могут оказаться для гостей не только неприятными, но и ненавистными.

Особенно для такого, как этот седой историк, который, вероятно, изрядно напичкан «советской пропагандой». Да, президенту известно, что некоторые коллеги из славянской кафедры были участниками драматических событий в своих странах. Но ведь суть гуманизма в том, чтобы прощать проступки прошлого! Для него, как принципала этого гуманнейшего храма науки, главное в том, как эти люди служат цивилизации сейчас. Пусть уважаемые гости простят ему повторения, но он подчеркивает: там, где властвует церковь, в души верующих засеваются только чистые зерна. В связи с этим он рад сообщить новость, хотя она, разумеется, может не вызвать энтузиазма у собеседников, имеющих коммунистические убеждения и не скрывающих своей тенденциозности. Дело в том, что на славянскую кафедру приглашен в качестве профессора сам митрополит украинской автокефалии Илларион. Согласия владыка пока еще не дал. Подвели прохвосты-репортеры. В газетных публикациях приглашения не упомянули, что преосвященный давно имеет ученую степень доктора. Разумеется, такая небрежность оскорбила известного мужа науки. Однако президент уверен, что митрополита удастся уговорить. Придется, конечно, публично извиниться, перечислить все его звания, степени и достоинства.

— Вот-вот! Только ничего не забудьте,— снова вмешался беспокойный дед-историк, и в его насмешливых глазах Сандерсон не заметил энтузиазма, только иронию.— Припомните ему,

¹ «О, не будем называть имена!» Буквально: имена ненавистны (лат.).

что никакой он не Илларион. Это всего лишь битый-перебитый петлюровский прихвостень Иван Огиенко. Говоря о честности, вам и следовало бы перед всем честным народом поведать, как некогда этот Огиенко шнырял по Украине с веревкой и ножом, как стал потом ученым лакеем Пилсудского, Рыдз-Смиглы и Бека, которые «огнем и мечом» «умиротворяли» Волынь и Галичину. Помогите ему, наиблаженнейшему Иллариону, хорошенько вспомнить, как он в сане епископа холмского обнимался в Варшаве с гитлеровским гауляйтером Фишером, как вымаливал у господ победу для фашистского воинства, терзавшего его неньку — Украину. Честно говоря, уж кому-кому, а вам в Канаде вполне можно угореть от его проповедей панамериканизма, от стихотворных его псалмов: «Монумент Свободы стоит горделиво и кличет весь мир за собою...» Ну, чем не поэзия? А вот куда «кличет»?!

Терпеливо выслушав запальчивого собеседника, мистер Сандерсон сочувственно покивал и поднялся с кресла. Да, ему в самом деле жаль этого советского профессора, не могущего никак побороть в себе неприязнь к своим землякам, которые, возможно, и натворили лихих дел в далеком прошлом, на своей родине, но разве люди вечно остаются неизменными? Подобный взгляд противоречит материалистическому толкованию влияния среды на индивидуум. Не ему, буржуазному ученому, убеждать гостей с Востока в правильности материалистической концепции, так как он далек от материализма. Пусть уж лучше они просто послушают, что преподается, о чем идет речь на кафедре славянского факультета. Вот здесь, в его кабинете, на тумбочке, установлен репродуктор, который сию минуту донесет сюда голос профессора-украиниста или любого иного преподавателя с любой кафедры колледжа. Кто же там сейчас на украинском отделении? Где-то запропастилось расписание, и он даже не знает фамилии профессора. Но, может быть, так даже лучше. Никто не заподозрит, что он хочет продемонстрировать частицу лекции, заранее зная ее автора. Стало быть, он, президент, дает возможность прочувствовать воздух, которым дышит славянская молодежь в Манитобском университете.

Включив репродуктор, хозяин снова уселся на место, утомленно потирая ладонью морщинистое чело.

А из далекой аудитории донесся старческий кашель. Затем там забулькала вода, послышалось шуршание, и все стихло. Внезапно скрипучий, с выразительными нотками истеричности, какой-то очень неприятный голос гаркнул так, что, казалось, в окнах президентского кабинета задребезжали стекла:

— Следовательно, пусть дух воинственного украинского национализма воцарится на нашей кафедре, как воцарился он на

кафедрах Монреаля, где неумоимо трудится ведущий наш идеолог Дмитро Донцов. Нашей молитвой должны наконец стать давние слова профессора: «разогреть до белого каления национальный шовинизм и зачать культ невероятного, теорию лютого безумия!» Именно теперь, когда Канада делает шаг за шагом к ядерному вооружению, воскресает надежда, когда-то так мастерски перекованная Евгеном Маланюком в ритм призыва: «налить железом руки!», «кинуться волком», «чужую резать жизнь!».

Когда содержание этого бреда перевели на английский язык, президента кинуло в холодный пот. Его глаза забегали из угла в угол и стали растерянными, какими-то виноватыми. Он не находил слов для дальнейшего разговора. По всей вероятности, услышанное только что оказалось для него неприятнейшей неожиданностью. По крайней мере, так показалось гостям. Никто из них не мог допустить, чтобы мистер Сандерсон оказался единомышленником этих маньяков. Всем своим подавленным видом, мгновенно опустошенным, он вызывал даже сочувствие. Возможно, только поэтому делегация не покинула его кабинет в знак возмущения и протеста.

Оправившись от неожиданного подзатыльника, президент наконец кисло усмехнулся и попытался выкарабкаться из лужи, куда его так беспардонно посадил «ученый»-психопат. Говорить, мол, этот «бешеный» может, что угодно. Но у каждого студента есть «право выбора» — идти или не идти на его лекции. Дескать, в этом и заключается гуманность учебного процесса.

Чтобы избежать дальнейшего обсуждения столь каверзной темы, президент предложил гостям прослушать любую иную лекцию. Вот хотя бы профессора зоологии мистера Уордла. Кажется, его интеллект не затемнен злобой на кого-то из политических противников. Стало быть, каждая его фраза на лекции это и есть чистая наука, призванная служить людям независимо от их идейных убеждений.

И вот после такого вступления последовало «подтверждение» слов президента, прозвучавшее из аудитории:

— Полагаю, мне удалось доказать, что людоедство — абсолютно нормальная функция человека. Ведь, став каннибалом, человек сразу чувствует себя могущественнее и здоровее. Вообще я не вижу причин, почему человечество, начинавшее свою историю с людоедства, не может возвратиться к нему!

Вероятно, потолок, обрушившийся внезапно, не придавил бы хозяина кабинета так, как эти слова проповедника возрождения людоедства. Когда мистер Сандерсон увидел, что гости дружно поднялись и молча уходят из кабинета, оставляя его в полном одиночестве, он затрепетал, сердечный, от испуга. Сла-

галось впечатление, что его, незащитного, новоявленные каннибалы слопают живьем уже сейчас, сию минуту, едва только чужеземные гости покинут «оплот гуманнейшей мысли и благороднейшей деятельности». Было в этот миг не до шуток, но многим хотелось утешить президента: ведь за ним оставалось «право выбора». Неужели же рыцари ножа из греко-католической или греко-православной церкви или же людоеды от зоологии, осененные англиканским крестом, набросятся на своего опекуна столь дерзко и внезапно, что не дадут ему возможности самому избрать одну из двух перспектив?

Эта история случилась уже давненько, но я почему-то до сих пор с тревогой в душе просматриваю иностранную хронику в газетах и вслушиваюсь в радиовести из-за океана: что там слышно о добром моем знакомце мистере Сандерсоне?

ВОЛКИ НАД ПРОПАСТЬЮ

С тех пор как Герострат, мучимый жаждой славы, поджег храм Артемиды в Эфесе, ни одному из маньяков всех времен и континентов не «посчастливилось» приобрести столь широкую популярность. Впрочем, последователи Герострата — и совсем мелкие и те, что покрупнее, и опьяневшие от полновластия, и те, кто лишь мечтает выкарабкаться из лакеев в диктаторы, — такие пигмеи с претензиями на роль творцов истории еще не перевелись в мире.

Вот и недавно какое-то ничтожество с фамилией или кличкой Стечко вздумало обрести позорную славу под небом Скандинавии. В те дни, когда в столице Швеции велись разговоры о том, как дальше жить в мире и дружбе, чтобы никогда не вспыхивали войны, это безродное посмешище решилось привлечь внимание к печальнейшей странице в отношениях двух народов: возложило венок к памятнику Карла XII.

Разумеется, эта выходка непрошеного проходимца нисколько не повлияла на ход переговоров. Более того, неразумные дела бывшего монарха еще раз напомнили нынешним лидерам северной страны, что военные путешествия в чужие земли всегда заканчиваются позором. Неспроста же премьер Таге Эрландер недвусмысленно подтвердил, что все это «было давно — и не при нынешнем правительстве». Он тут же уверил, что отнюдь не собирается в поход против нашей страны.

И как было в старину, когда король Карл XII вместе со своим приспешником Мазепой подавлял галушками под Полтавой, так и теперь понесли позорное фиаско те, кто в угоду «бе-

шеным» всех мастей и рангов рекламировали в прессе коварные, провокационные измышления, рассчитывая на какой-то успех этой авантюристической акции. Чучело, снимки которого публиковали газеты под названием «Стечко», как и следовало ожидать, легло костями к ногам короля-завоевателя. Оно было в тот же день уничтожено гневом и смехом миролюбивых людей под тем же хмурым небом Скандинавии.

Но что же все-таки за фигура сей неизвестный Стечко? На славной Украине нашей никто такого не знает и не помнит. Лишь один мой знакомый, пожилой галичанин, некогда сбитый с толку закордонными «мазепинцами», поделился своими догадками и этим натолкнул на поиск. Пришлось порыться в ворохах различного зарубежного печатного хлама. А человек, которому довелось побывать в гадючьих гнездах националистических эмигрантских кругов в Западной Германии, без особого труда поставил диагноз:

— Эге! Как говорят в Галичине, «видно пана по халявам». По голенищам, значит. Это же Ярослав Стецько! Есть в Мюнхене такой юродивый оболтус. По всей вероятности, его в Скандинавии на свой лад перекрестили в Стечко. Да и не было, наверное, у него собственной правдивой фамилии никогда. То назывался Стецько, то Карбович, то Орач, то Белендис, то Басмач. Верно, какое бы «псевдо» ни принимал этот горлопан, он всегда оставался блудливым и изворотливым подлизой. Прошу прощения, так как история этого субъекта грязная и кровавая.

Бандеровский батальон «Нахтигаль» («Соловей») вступил во Львов вместе с гитлеровскими частями на рассвете 30 июня 1941 года. На рукавах вояк этого «легиона» были желто-голубые повязки с красными пятнами, перекрещенные черными пауками свастики. За плечами их покачивались автоматы крупновского производства.

За батальоном погромыхивал обоз. Рядом с передвижной костедробилкой, которая вскоре была установлена на Яновском кладбище для перемалывания костей замученных и сожженных людей, в город вкатилось «правительство» захваченных украинских земель. Возглавлял это «правительство» плюгавый недоносек в очках. Это был ближайший сподвижник Бандеры Ярослав Стецько. К «правительственной деятельности» он считал себя вполне подготовленным: в свое время был студентом юридического факультета, изучал Макиавелли, Ницше, Гитлера, Муссолини и Донцова. Уже пробовал и стрелять из-за угла; перед походом вермахта на СССР проходил специальное «обучение» в Берлине и Риме.

Конечно, фашисты никогда не придавали серьезного значения игре в самостоятельность своих прихлебателей из лагеря украинских буржуазных националистов. Гитлеровский генерал-губернатор Ганс Франк огласил приказ о включении западных областей Украины в состав «дистрикта Галициен» еще до оккупации этих земель. По его же приказу Львов был снова переименован в Лемберг. Устами другого сатрапа — рейхскомиссара Эриха Коха — фашистские хозяева без всяких церемоний напоминали своим желто-голубым холоумам: «Один центнер украинской пшеницы имеет для меня большую ценность, нежели весь украинский вопрос в целом...»

Тем не менее комедия провозглашения «самостийной Украины» была все же разыграна.

Вечером того же 30 июня в здании «Просвиты» на площади Рынок собралась ватага обмундированных в немецкую униформу бандеровцев и «чистокровных» эсэсовцев-пруссаков. Перед ними новоявленный «премьер-министр» поспешил зачитать акт «О провозглашении украинской державы».

«Новосозданная украинская держава,— значилось в этом акте — сгустке бандеровского бреда,— будет тесно сотрудничать с национал-социалистической великой Германией, которая под руководством своего фюрера Адольфа Гитлера созидает новый порядок в Европе и во всем мире...».

Тут же были поделены министерские портфели; и «министры» поспешно кинулись к столам. Один строчил циркуляр об организации пышного «празднества благодарности Адольфу Гитлеру за освобождение», а второй, какой-то Легенда, помазанный на пост «военного министра», мигом врезал «обращение» к советским воинам, в котором призывал украинцев из частей Красной Армии переходить на сторону фашистов: «С воздушным и морским флотом включительно!..»

Новоиспеченное «правительство» было обеспокоено лишь только тем, что его никто не признавал. Правда, дух его поддерживали благословения давнишнего австрийско-немецкого шпиона, митрополита Андрея Шептицкого.

«Победоносную немецкую армию приветствуем как освободительницу,— приказывал голосом бывшего габсбургского офицера теперешний «князь церкви».— Установленной власти отдаем надлежащее послушание».

Заканчивалось же это «пастырское письмо» униатского владыки молитвой о том, чего всегда недоставало и недостает нынче желто-голубым недобитым воякам: «Пусть бог даст всем нашим кормчим разум и святую небесную мудрость...»

Вот так, слепив из ничего «державу», Стецько никогда не забывал о своих покровителях, всегда клялся им в верности

до самой петли. В адрес Адольфа Гитлера от него шли депешки с уверениями в преданности «великому фюреру», с пожеланиями, «чтобы начатое дело увенчалось окончательной победой». Такие же заверения в пакетах с трезубцем летели также к Бенито Муссолини, на поддержку которого «в новом, справедливом фашистском порядке» Стецько возлагал изрядные надежды.

Тем не менее через несколько недель «держава» оуновских¹ лакеев лопнула, как мыльный пузырь, под сапогом тех же фашистских наставников. Оккупанты напомнили своим верным холоум, что они могут проявлять «самостийность» только в истязании непокорного украинского народа.

Эту функцию бандеровцы выполняли не менее старательно, чем все ландскнехты всех других мастей и оттенков.

Вот как вспоминает бывший оуновец, ныне советский гражданин, искупивший свою вину перед Родиной, о той собачьей роли и преданности националистических «проводников» своим фашистским хозяевам:

«Вы помните, «голова» Стецько, как в тот час, когда уже травился Геббельс, вы ехали на машинах немецкой разведки в компании с представителем абвера доктором Фелем и его помощниками в баварские леса, чтобы возглавить антисоветский отдел организованного Гиммлером «партизанского» отряда «Вервольф»?»

После того как от гитлеровской империи полетели щепки, весь оуновский «провод» переметнулся на службу к западнонемецким реваншистам и заокеанским толстосумам.

Несколько первых послевоенных лет «провод» имел кое-какой черствый кусок хлеба от того, что «отоваривал» у новых хозяев официальные заявления о единстве целей с милитаристским охвостом в Европе и за океаном.

«Как и мы, они проиграли в минувшей войне,— говорилось в этих заявлениях-инструкциях.— Как и они, мы стремимся к реваншу».

Но с каждым днем кормильцы все настойчивее предлагали переходить от слов к делу. Здесь-то и пригодились Ярославу Стецько приобретенные в сотрудничестве с гитлеровским абвером навыки шантажа и авантюризма. Если он не успел собрать вокруг себя в Баварском лесу вурдалаков по заданию Гиммлера («вервольф» и означает «вурдалак»), то почему бы не созвать их нынче из западнонемецких и заокеанских трущоб?

И назвать это скопище можно крикливо. Например, хотя бы АБН — антибольшевистский блок народов.

¹ ОУН — объединение украинских националистов.

«Что же это за блок, если к нему никто не присоединяется?» — пожал плечами реваншистский кредитор. И Стецько пускается в путешествие черт-те куда, на Тайвань, с челобитной к самому Чан Кай-ши. Тайваньский мертвец не сразу сообразил, откуда прибыл коллега, долго расспрашивал, где же, мол, эта Украина, которую он должен «освободить» вместе с гостем. Однако, как значится в «коммюнике», Чан Кай-ши признал Стецько равноправным партнером и пообещал помочь в «разгроме» интернационального коммунизма».

Окрыленный дипломатическим «успехом» на Тайване, глава АБН поспешил на аудиенцию к испанскому диктатору Франсиско Франко, к болгарскому королю без престола Симеону, к дочери бывшего итальянского короля Виктора-Эммануила, а также посетил клуб турецких милитаристов.

Каждому, кто не закрыл перед ним дверь, он что-то пообещал из Украины или за ее счет. Так, в Турции реакционеры-промышленники выделили АБН взаймы радиостанцию. За это Стецько пообещал после «вызволения» Украины разместить на украинских предприятиях турецких специалистов.

Однако в значение «международных» акций Стецько мало верят даже те, за чьи деньги он болтается по белу свету. Вот от него и потребовали, чтобы он привел убедительные доказательства популярности «идей и стремлений» АБН на самой Украине, среди того народа, которому в «премьеры» заочно навязывается пан Стецько.

И прохвост отыскал «доказательство». Не долго думая, он предъявил своим кормильцам газетку «Харьковский вестник», которая будто бы подпольно издается в советском Харькове, и пригласил послушать вечером передачу... конспиративной радиостанции из Советской Украины.

Но шантажист и жулик и на сей раз провалился. Газетенка оказалась напечатанной в Мюнхене, а радиостанцию тоже без труда запеленговали на территории ФРГ.

Даже националистические писакы, возмущаясь махинациями премьера без государства, признали: «Мы с горечью должны констатировать, что Я. Стецько пребывает на вернейшем пути, способном привести весь «украинский вопрос» в международных кругах к... авантюризму».

И вот вершиной деятельности «премьера»-самозванца явилось крикливое «шанування»¹ Карла XII, пресмыкательство на путях тех стран, где в эти же дни люди труда так жадно принимают идеи мира и дружбы между народами. Даже там, в мире капитализма, каждый, кому чужды войны и человеконена-

¹ Отдание почестей (у к р.).

вистничество, с изумлением и отвращением наблюдал за химерным чудищем, за отвратительным привидением нацистского прошлого.

Что же касается нашей родной Украины, то здесь давно и навсегда позабыли о пане Стецько, никто о нем не вспомнит, ибо он исчез, сгинул давным-давно, пропал, как швед под Полтавой. И только где-то в западнонемецких задворках над пропастью жалобно завывли волки да грустно забамкал щербатый мюнхенский колокол, оповещая националистическое кладбище о крахе очередной акции самоубийцы Стецько.

ИСПОВЕДЬ ЛЮДОМОРА

Когда человек доживает последние годы, ему хочется отыскать в своей биографии что-то способное вызвать интерес, а возможно, и благодарность потомков. Казалось бы, нет ничего удивительного в том, что совсем неизвестный на Украине чужеземный беллетрист Влас Самчук вспоминает ныне свою хмельную молодость и похождения зрелых лет. Удивление вызвано иным. Насколько же беспутно нужно прожить жизнь, чтобы считать трогательнейшими дни и месяцы позорного пресмыкательства в наймитах гитлеровских псов накануне их психопатского прыжка на Восток и во время изуверских погромов между Саном и Доном.

О том, что Влас Самчук в старости хвастает именно своим фашистским прошлым, свидетельствует уже заглавие его эссе на страницах мюнхенского журнальчика «Современность», этого омерзительного плода нацистских подпевал. «На белом коне» — вот так запросто и назвал Влас Самчук свое хвастливое повествование о том, как он в сопровождении стаи дегенератов от пера подкрадывался за спинами пруссаков-завоевателей к границам Украины и потом удирал, опережая недобитых вояк фюрера, за эти же границы Украины.

Верно, цель этих воспоминаний была совершенно иная. Через два десятилетия после упомянутых событий вернейшему лакею Эриха Коха, фанатичному рабу фюрера Власу Самчуку внезапно приспичило откреститься хотя бы от некоторых своих грехов. Но это оказалось свыше его сил. Симпатии к сеятелям коричневой чумы еще и поныне держатся в черной его душе так цепко, что он снова пропел хвалу своим истлевшим в земле учителям и наставникам.

Трудно поверить, но Влас Самчук и сейчас прежде всего молится своему Саваофу — Адольфу Гитлеру, награждая его вы-

сочайшими эпитетами, какие только смог вспомнить. Ко всему он даже укоряет историков, которые с отвращением отвернулись от прославляемого им «феномена». И выполняет он это достаточно хитро: оперирует цитатами из предисловия англичанина Трейвора-Ропера к изданию безумных застольных бесед (Тиш гешпрехе) Гитлера. Но эта хитрость несколько не мешает Власу Самчуку выкрикнуть свое восторженное «хайль!» по старому и верному адресу.

«Для марксистов, как для старомоднейших,— со злобным удовольствием повторяет слова «социолога» с берегов Темзы во-лынский холуй бесноватого фюрера,— он был лишь простой пешкой на шахматной доске событий, созданием умирающего капитализма в последней его фазе». На деле же, как утверждают оба автора, это был... «гигант, средоточие титанической силы и... гения». Взгляды «исследователей» полностью совпадают и дальше — «целая генерация может быть названа его именем, и мы вынуждены говорить об эпохе Гитлера, как говорим об эпохе Наполеона или Карла Великого».

Вот как ловко оперирует мемуарист законами формальной логики! Если существовала целая «генерация гитлеровцев», то прежде всего Влас Самчук принадлежал к ней.

Далее, с осведомленностью гестаповского шпика бывший редактор печально известной «Волини» благоговейно листает в памяти страницы деяний и чаяний фашистских погромщиков и жульнически дописывает на полях этих кровавых страниц строчки личных, так сказать, «интерпелляций» во имя... национального «возрождения» страны в условиях тотального истребления всего, что не поддавалось германизации и не стандартизовано под нацистскую мерку.

«Медовым месяцем» называет он с цинизмом подлеца дни и ночи варварского разрушения украинских земель тевтонами с гитлеровской свастикой. Прорвавшись через советские границы, фашистские механизированные гунны стремились дальше на восток, к Киеву и Москве, а украинский «патриот», пока суд да дело, осел в Ровно, идиотски утешаясь тем, что из рук гестапо получил портфель герра редактора геббельсовского смердящего листка и возможность хотя бы подлаивать псам из ведомства «Остпропаганда».

Еще и поныне не остыл экстаз, присущий тогда арийцу из Дермани (село, в котором родился Самчук.— Д. Ц.), в ответ на столь «высокое» доверие. «Я сидел за письменным столом своего кабинета,— до мелочей вспоминает он в «Современности».— Вошел очередной клиент и, кажется, вне очереди... в серовато-синем военном плаще. Со знаками различия зондерфюрера.

Геккель, Генрих Геккель!.. Подает руку, садится, закуривает и угощает меня. Сердечно благодарю. Чем могу служить? Он принадлежит к органам военной пропаганды, заявляет Геккель, и интересуется нашей газетой».

Дальше каждое слово этих воспоминаний источает благодарность шефа желто-голубого листка, ослеславленного визитом и вниманием гестаповского опекуна. «Все хорошо, но что касается будущего, то оно его беспокоит... Увеличение тиража, переход из еженедельника в ежедневник. Как с машинами, с бумагой? О, этому можно помочь! Не так уж сложна проблема. Нам здесь нужна хорошая пресса. И обо мне он уже слышал. Это хорошо, что я учился в Германии и владею языком. Между прочим, они намереваются создать целый ряд газет на украинском языке, и я мог бы помочь в этом деле, хотя бы подбором редакторских кадров. Разумеется, это возможно. Прекрасно. Все прекрасно. До свидания. Вскоре встретимся снова».

На следующий день восхищенный редактор вновь принимал у себя того же Геккеля, да еще в компании со вторым зондерфюрером — Фрицем Вайсом. К большому удивлению «суверенного союзника», гости оставили ему инструкцию под названием «Некоторые указания по терминологии и тематике газеты». В нынешних своих воспоминаниях Самчук говорит об этой инструкции довольно скептически, с признаками слабой иронии. И получается это у него, в общем, убедительно. В самом деле, нужны ли были какие-то наставления ему, нацистскому выкорымышу, клавшему на ночь под свою подушку парабеллум и евангелие гитлеровских изуверов «Майн кампф»? Ведь и без этого редактируемая им «Волынь» с первого до последнего номера была сплошным визгом истерического восторга и словословия в адрес фюрера и его банд, захмелевших от обилия пролитой ими человеческой крови.

Теперь Самчук утверждает, что он лишь для проформы отдавал «кесарю кесарево». На деле, видите ли, у него и его националистических единомышленников были еще и другие желания и намерения, но это уже чистейшая выдумка. Ложь вылезает, как шило из мешка, если сравнить хотя бы некоторые места из написанного Самчуком собственноручно. В номере «Волыни» от 14 сентября 1941 года хмельной трубадур «железных фаланг фюрера» самозабвенно клянется: «Единым нашим желанием является действенная помощь могучей армии Адольфа Гитлера в достижении намеченной цели. Твердо и непоколебимо верим в ее победу, так как во главе великой армии стоит муж необычайного величия и необычайной духовной мощи — Адольф Гитлер!» А совсем недавно, в девятом номере «Современности» за 1965 год, вспоминая свою давнюю статью и иные

дифирамбы творцам «нового порядка», Самчук не забывает подтвердить: «Все, что мы писали, писали от глубин сердца...»

Так и надрывались украинские «геббельсята», лезли из шкуры, чтобы выслужиться перед гестапо, чтобы заработать если не «железные кресты», то хотя бы ободряющее «Гут, швайне!». Случалось, что холуи высказывали даже впереди хозяев. Об одной такой оказии Самчук вспоминает не без гордости. Войки фюрера еще устилали трупами дальние подступы Киева, а газетенка «Волянь» уже выскочила с «алармующей вестью»¹ — столицу Украины взяли! Редактор лично высказал свой восторг в связи с этим событием в специально написанной статье. От столь воинственной поспешности поморщились даже в ведомстве «Остпропаганде». Сейчас, спустя столько лет, у Самчука хватило наглости преподнести читателям этот случай едва ли не как пример личного героического поведения. «Что я не заплатил за эту статью, нужно благодарить только Вайса... В конечном счете все мои тогдашние статьи звучали остро, исключительно, рискованно, но такова уж была моя хватка».

Растерзанная Волянь истекала кровью под сапогами вандалов, а их пособник Влас отыскал тихий уголок среди ада и замирал от блаженства в своих грезах: «Думалось уже об отдельном здании во много этажей. Все так чудесно развивается, деньги текут рекой. Десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы тиража. Могущественный издательский концерн, контакты с Европой, со всем миром».

Чтобы согласовать свое настроение с высшей нотой, мемуарист «подтягивает» собственные мечты к грезам верховного вдохновителя Третьего рейха. «А что думает об этом наш великий фюрер?» — вопрошает он и тут же находит ответ, услышанный, так сказать, интуитивно (тогда еще не были опубликованы «застольные беседы», которыми еженощно пичкал бесноватый своих доверенных в лесу около Растенберга, в главной квартире «Вольфшанце»). Однако, отмечает Самчук, «мы знали его намерения уже тогда». Каждое слово из этих «застольных бесед» тешило душу Самчука, считавшего себя почти «фольксдойче», причастным к «высшей расе». «Славяне — это масса прирожденных рабов, нуждающаяся в руководстве!» — вещает Гитлер. «Яволь!» — тотчас выкрикивает ликующий Самчук. А чтобы не было сомнения в искренности его убеждений, он и ныне подчеркивает в своем эссе: «Лишь в Германии (гитлеровской. — Д. Ц.) я впервые понял, как должны выглядеть культурные люди». С таким же холуйским восторгом волинский «шваб» воспринял и очередную установку фюрера: «Лю-

¹ Тревожной вестью. В данном случае — ошеломляющей (п о л ь с к.).

бой, самый последний наш молодчик на конюшне должен быть выше любого туземца». Казалось бы, это о нем говорит Адольф Гитлер. Ведь Самчук-то — туземец.

До сих пор наши люди не забыли, как опустошалась захватчиками советская земля, сколько смертей сеяли они за собою, до каких садистских пределов наслаждения вырастало их издевательство над всем, связанным с вековой славянской культурой. Мир содрогнулся, когда на Нюрнбергском процессе были названы лишь некоторые из их преступлений в нашей стране. Миллионы и миллионы замученных, около 1 800 уничтоженных городов и 70 тысяч сожженных сел, 31 850 разрушенных предприятий, бесчисленное множество стертых с лица земли школ и потушенных культурных очагов. Только в Ровно налетчики истребили 102 тысячи жителей города и военнопленных. Найдется ли среди свидетелей этого варварства хоть один, кто не крикнул бы «мемуаристу» Самчуку: «Врешь, людомор!», — прочитав лживые строки его мемуаров: «Жизнь страны кипела в городах и селах. словно грибы после дождя, вырастали новые школы, новые организации и новые предприятия»(?).

По-видимому, эти строки поймет каждый, кто взвесит такую весьма существенную деталь: в те дни Самчук пришел на Украину как оккупант. Следовательно, ему и теперь не остается ничего иного, кроме явно запоздавшей «защиты» своих сообщников и убеждений. Это он и исполняет отчаянно, со всей старательностью.

Бот еще строки о той атмосфере, в которой так великолепно чувствовал себя националистический бандит: «Эмоции, интимные страсти, игра сердец — и все это вместе в горячем климате войны вдохновляло и окрашивалось своеобразной яркостью жестокой романтики... Руины, машины, немцы, наци, главное командование, пропаганда, рейхскомиссариат, лагеря пленных и столкновения страстей наших, русских, польских, немецких... бандеровских, мельниковских, бульбовских, узэновских, гетманских... Церкви автокефальной, церкви автономной, митрополита Дениса, митрополита Иллариона, архиепископа Поликарпа, архиепископа Алексия».

Приходится просить у читателя прощения за такую цитату, но в ней сконцентрирован дух, вдохновлявший гитлеровских ландскнехтов из буржуазно-националистического охвостья.

Каждый шаг националистического мерзавца по захваченным землям Украины, каждый его поступок в шпионском гнезде под вывеской «самостийницкой» газетенки вызывает возмущение и омерзение. Вот он самовлюбленно рисует свои поездки вместе с гестаповцем Вайсом в ведомственном «ситроене» на «импрезы» по поводу «освобождения».

«В пути беседуем на различные темы,— вспоминает Самчук,— а также о том, как могут немцы организовать наш европейский Восток после своей победы. Весь этот простор изменил бы свой вид, многие его центры перестали бы существовать. Столица рейхскомиссариата могла бы быть где-то там, восточнее, возможно, на месте Днепропетровска... В Крыму могла бы возникнуть отдельная колония под специальным присмотром эсэсовцев, задачей которой было бы лелеять селективную расу людей высочайших физических и интеллектуальных способностей. Вся Украина имела бы зональное деление: отдельные зоны для немцев, отдельные для местного населения. Задачей первых было бы управлять страной, задачей вторых — выполнять всю физическую работу».

С опозданием на множество лет Самчук теперь пытается в чем-то возражать своему единомышленнику и, словно между прочим, подчеркивает: «Я только слушал и молчал».

Но и здесь торчат ослиные уши националистического вранья. Какой же смысл «молчания» в разговоре один на один, если тот же Самчук в уже упомянутой статье вопит на всю Волинь: «Единым нашим желанием является действенная помощь могучей армии Адольфа Гитлера в достижении намеченной цели». А цель арийских претендентов на «жизненное пространство» популярно изложена в монологе Вайса.

Возвратившись в Ровно, восхищенный первыми результатами «хозяйничанья» оккупантов, рыцарь продажного пера в поте лица пишет новые восхваления своим кормильцам, понуждает к этому же своих подчиненных. Однако в прославлении самого фюрера он не терпит конкурентов. Об этом идет речь даже в его теперешних воспоминаниях. Какой-то болван сдал для публикации в газете оду, посвященную «поднебесному орлу пану Гитлеру». Наивный стихоплет не знал, что вознесение до небес верховного параноика — это ответственнейшая задача и сердечнейшее призвание самого шефа-редактора. Конечно, ода опубликована не была. Теперь этот случай Самчук пытается использовать как свидетельство своего «протестантства».

Но все же «стихийным» одописцам тоже остался субъект, в честь которого они могли публиковать свои многословные вирши в газете «Волинь». Этим «субъектом» был сам Влас Самчук. Он до сих пор бережет один из подобных «псалмов», который так и назван: «Вам, пан Самчук!» В этом творении есть и такие «пророческие» слова:

Наилучшего желаю вам,
творцу «Марии» и «Волини»,
труды прекрасные писать,
чтобы звучали в Украине...

Не будем говорить о жестокой ошибке этого «пророка». Никаких «прекрасных» трудов Самчука на Украине никто не знает и знать не хочет. Но в то время и виршеплет наверняка плеснул маслица в маниакальное стремление Самчука расширить свою «деятельность» на всю Украину. В особенности тянуло эту продажную душу в Киев. Хотя, правда, он жутко (и небезосновательно) боялся советских людей, вынужденных остаться на оккупированной территории. В Ровно его безопасность надежно берегло недремлющее око гестапо, но и здесь в каждом закутке ему мерещилась большевистская засада. Он с перепугу пишет, что даже среди церковных деятелей были «два епископа, присланные при большевиках Москвой, которые остались здесь и, как говорили, были ушами и глазами НКВД». Мерзавец замечал, что на Волыни вспыхивает огонь, от которого затрепетит шкура и зеленых и желто-голубых гадюк. Что же касается Киева, который он называет своей «мечтой, сном, фата-морганой», так там вовсе потерялся бы покой и сон труса. Ведь оттуда, вспоминает «храбрый» певец вермахта, все время доносились слухи о том, что там в «темноте бродят стаи советских агентов».

Но его нестерпимо влекла в златоглавый Киев и присланная каким-то самозванцем Барановским весть о том, что: «Украинская национальная рада¹ в городе Киеве избрала вас, многоуважаемый пан, в свой состав». Ко всему капризы и каверзы Елены Телеги, делившей с ним и редакционный кабинет и домашнее помещение. Какой-то остряк сообщил ей, что будто бы в Киеве остались какие-то литераторы, которые хотят не кого-то иного, а именно ее, Елену Телегу, воспевающую «жизнь бездомных бродяг», видеть не больше и не меньше, как... главой «союза» украинских писателей. И вот, вспоминает Самчук, эта Телега бегала, суетилась, готовилась к высокой должности, «как невеста к венцу, столько шилось, перешивалось, примерялось, и все для Киева». Однако сама себе она казалась нересpectабельной, даже рыхлой, расплывшейся. Но при чем здесь Самчук? В воспоминаниях он ехидно упоминает письмо, выкраденное тогда у Телеги и адресованное какому-то поклоннику во Львов. Модница и дуреха, она жаловалась, что ей «стали юбки тесны». И тут же хвастала: «Едим чудесные борщи, много масла, яиц, сметаны, молока» (оказывается, не соврал Геббельс, обещая табунам опустошителей: «Это война за зерно, за хлеб, за богатый обеденный стол, за щедрые завтраки и ужины...»).

Как бы там ни было, Телега отправилась в Киев, даже не

¹ Совет (у к р.).

дождалась, пока Самчук согласует свой отъезд с гестапо. Вскоре в сопровождении недотоптанного петлюровца Степана Скрыпника волынский поклонник фюрера трогается туда же. И заключительные строки его воспоминаний переполнены благодарности к гитлеровцам, которые неисчислимыми ордами тянулись на Восток. «И все это для того,— захлебывается до последней точки Самчук,— чтобы я мог победоносно въехать на белом коне в древний град моих предков».

Не знаем, будет ли продолжать Самчук свои мемуары, эту подлинную исповедь нацистского людомора. Нам и без того известно из его же давнишней писанины, сколько кривды принес он Украине тогда и чем занят теперь, в изгнании, под крылышком канадских добродеев. Мы возмущены и удивлены тем, что руководители Канады, нашей давнишней союзницы в борьбе с гитлеризмом, дали приют на своей земле закоренелому трубадуру нацизма, который лишь случайно ускользнул от виселицы. Присмотритесь, господа, к этому «гражданину» Канады. Так же, как некогда гестаповцы морили газом людей в душегубках, он и сейчас морит своей писаниной людские головы. Это он оскорбляет нашу общую победу над дикостью и варварством средневековья — гитлеризмом. Даже вам, хозяевам своих порядков, этот нахал шлет упреки, что вы... плохо защищаете его от правдивых свидетельств тех, кому известны его похождения на службе у Эриха Коха. Совсем недавно он писал, кивая на Оттаву, что в Соединенных Штатах на страже «чести и достоинства» таких, как он, стоят «президент, сенат, седьмой флот...».

Возможно, кое-кто из воинствующих политиканов за океаном просто закрывает глаза и уши на эти упреки, так как их тешат угрозы того же распоясавшегося геббельсовского последнего Власа Самчука: «Будущие походы будущих гитлеров не остановятся на Кавказе и Волге». Таким претендентам на роли будущих гитлеров мы рекомендовали бы вспомнить, куда девался их предшественник Адольф Шикльгруббер. Между прочим, спросим, представляет ли Самчук, где оказался бы он при подобной ситуации? Ему не мешало бы припомнить то место из собственных «Записок на бегу», где упоминается Берлин перед капитуляцией, опустевший балкончик «рейхсканцелярии», оставленный «чудодеем с маленькими темными усиками», так как настал уже тогда час осиротить на веки вечные и его, Самчука, и всю недобитую нацистскую сволочь.

Наконец, ни один честный украинец не может не возмутиться еще одним фактом, к которому причастен тот же ариец из Дермани. Не кому-то иному, а именно Власу Самчуку, творцу панегириков о «чудодее с маленькими темными усика-

ми», автору антинародных расистских книг: «Волынь», «Ост», «Темнота», «Чего не заживляет огонь», «Генерал Тарас»,— этому воинствующему маньяку Власу Самчуку недавно какой-то президент какого-то украинского ученого совета в Торонто Е. Вертипорох вручил первую.... Шевченковскую серебряную медаль. Можно ли учинить более адское издевательство над памятью великого Кобзаря?

Очевидно, хватит, так как ничто уже, как говорил наш великий Кобзарь, «пропащую душу злодея не остановит...»

ОЙ НАСТУПИЛА ТА ЧОРНА ХМАРА ¹..

1. Эскиз к портрету привидения

Бурлящий современный мир равнодушен к тем из них, кто уже окошел в изгнании и кто еще доскрипывает костями под заборами чужих поместий. Никто не ведет гражданского учета злобных изгнанников, давно проклятых своими народами. Только, пожалуй, повара шпионских харчевен прикидывают на глазок, для какого табуна предателей им закладывать похлебку в ржавые чугуны. И титулы клиентов меньше всего интересуют кормильцев. Им абсолютно безразлично, кто в этом табуне претендует на скипетр монарха «неньки Украины», кто объявится на какой-то миг премьером несуществующего правительства, кому повезет пролезть в «наследники» гетмана без булавы, на чьей голове сидит митра духовного пастыря без паствы. Единственное, чего требуют от подопечных выроdkов на тех заокеанских и западноевропейских кухнях,— черной ненависти к своим народам. А отсутствие или уход в вечное небытие кого-то из постояльцев там определяется очень просто — по лишним ложкам.

Не так давно в Нью-Йорке осталась без употребления одна такая ложка. Как уточнила желто-голубая пресса, это почил в бозе один из последних могикан... «великого взрыва». Кто бы выдумали? Не более и не менее, как «президент Украинской народной республики в эзиле» Степан Витвицкий.

Те, кто знал когда-то пана Витвицкого в Галичине, давно с облегчением позабыли этого внебрачного сына «Ундони» ². Во всей Украине о нем, тем паче, и мысли не было. Но все же пи-

¹ Туча (у к р.).

² Ироническое название УНДО — украинского национально-демократического объединения (у к р.-г а л и ц.).

сарчуки из «оффиса» марионеточного президента в своих слезливых некрологах грезят о том времени, когда «тленные останки покойного перекочуют в Киевский пантеон...».

Не беремся пересказывать по этим некрологам жизнеописание пана Витвицкого. Слишком уж непривлекательная это история измен и перепродажи души всем дьяволам по очереди. Значит, промолчим, опасаясь, что всевышний откажется принять на небо эту грязную душу, и лишится покойничек приюта даже в потустороннем мире. Ведь и земля украинская никогда не примет его тленных останков.

На этом «панихиду» можно бы закончить, но вокруг смерти его эчеленции не затихает скулеж скоморохов в чужих краях. Занудливые плакальщики — герры и мистеры редакторы националистических листков и журналов, истощенные бродячие пииты и юродивые от беллетристики, самозванные магистры и доктора псевдонаук — выжимают из себя крокодиловы слезы, лишь бы использовать эту траурную оказию для завоевания сочувствия среди обманутых земляков в эмиграции.

А так как престарелые «кормчие» гибнут, словно мухи в заморозки, скулеж почти не утихает. Вот и справляется шутовской реквием над могилой украинского буржуазного национализма.

Предвидим, как завизжат расистские ошметки, читая эти строки. Не торопитесь, будут угрожать они, хоронить нас, — мы еще покажем, на что способны. Но что же другое напишешь о вас, господа предатели, если вы давно уже своим теоретическим «постулатом», а тем более кровавыми «акциями» обрекли сами себя на неминуемую гибель, всенародное проклятие и вечное забвение!

Это же вашему предтече М. Михновскому принадлежат слова саморазоблачения, полные ненависти ко всему живому и человеческому: «Над нами реет черный стяг, на котором написано: «Смерть!»...»

Возможно, возразите, что давно это написано и не вам адресовано, а народу, отказавшемуся идти за националистическими лозунгами. Но тот, кто пророчит гибель своему народу, подписывает смертный приговор самому себе.

О, вы не только «пророчествовали», вы и действовали, как могли, чтобы обездолить свой «непослушный» народ, отомстить ему за «национальную несознательность».

Вероятно, нет нужды снова вспоминать, как вы точили свои янычарские ятаганы в оружейных завзятейших врагов Украины. Противно воссоздавать и кровавую хронику ваших дел, когда в обозах захватчиков вы врывались на нашу землю с петлей и виселицей.

На нашей украинской земле рода у вас нет. Собственно, убеждать вас в этом нет нужды. Сами отрекаетесь от святейших традиций народных. Видимо, всем вам в угоду какой-то И. Лучишин в нью-йоркской «Вольной Украине» заявил: «Мы должны также отбросить навязанные нам чужие обычаи называть себя «по отчеству».

Зато с каким старанием, с какой тщательностью вы следите, как бы не лопнула веревка, связывающая вас с порождением изуверов всех времен и народов — от Макиавелли и Лойолы до Гитлера, Маккарена и Фервурда. Припомните хотя бы, как предупредительно подтягивали вы свою «доктрину» до тех регистров, которые взял в начале двадцатых годов автор евангелия погромщиков — «Майн кампф». В вашем «теоретическом» органе «Создание нации» вскоре после того появилась конденсированная вытяжка гитлеровского бреда, которую вы хлебали, как сивуху, и подпаивали ею стаи украинских «пруссаков Востока» перед нападением на мирные кордоны нашей страны. Вот о чем писал этот журнальчик: «Украинский национализм не считается ни с какими общечеловеческими нормами солидарности, милосердия, гуманности... Каждый путь, ведущий к высшей цели, есть наш путь, независимо от того, будет ли он у других называться героизмом или подлостью».

Когда под сапогами вермахта захлюпали ручьи «инонациональной» крови, вы трескались от натуги, силясь перекричать барабаны Геббельса и Розенберга. В «Боевом инстинкте» от имени так называемой УНО ваши витии так согласовывали свою «философию» с теорией и практикой вдохновителей Третьего рейха: «...поступь человечества требует использования или эвентуального уничтожения более слабого рода или народа. Каждый народ должен или «есть жаркое», или быть «жарким». Среднего пути нет».

Людоедские намерения гитлеровских вандалов, стремившихся уничтожить на своем пути все живое и сущее, у вас вызывали верноподданнический экстаз, разжигали жажду крови. «Программа воспитания в ОУН» стелила националистическим штурмовикам дорогу на Украину, обещала приход к власти «только по трупам ныне еще живого народа».

Нет данных, свидетельствующих о том, что вы не старались осуществить эту «программу». Но наш народ, которому вы причинили столько горя, все же не лег трупом к ногам ваших псарей, а поднялся в гневе во весь рост и так потрянул могучими плечами, что вы разлетелись во все стороны и до сих пор чешете побитые бока.

Как ни удивительно, но спустя столько лет после позорной катастрофы в ваших мозгах все еще бродят «интервенционно-

освободительные» идейки, заквашенные на новейшем атомном ферменте. Что из этого получится, поведают потомкам кладбища, которые останутся от националистического «политикума в эскиле».

Вот так мимоходом пришлось набросать эскиз к портрету чудища, называющегося украинским буржуазным национализмом. Ниже — силуэты нескольких носителей желто-голубой холеры, настолько жалких и смешных типов, что им можно было даже посочувствовать, сохранись у них хотя бы наименьшие признаки человечности и порядочности.

2. «Кондицио синэ ква нон» и... бычьи головы

Когда удирает перепуганный и битый злодей, он не способен выбирать тропку. Просто чешет, как сумасшедший, в безвестие, сослепу, не разбирая, что у него впереди. Вспомните же, господа «желтоблакитники», разве не так происходили ваши недоброй памяти «экспатриации» из Украины в начале двадцатых и в середине сороковых годов? Только уж позже, немного опомнившись, вы начали называть свои кровавые следы не иначе, как «шляхами». Вот, скажем, после разгрома Директории стадо петлюровцев дернуло во всю прыть туда, где Макар и телят не пасет, — в Западную Канаду. Когда немного улеглась пыль, взбитая босоногими беглецами, некий «пророк» назвал этот змеевидный бесконечный драп «новым шляхом». Через какое-то время это откровение отыскало свое «увековечение» в названии профашистской газетенки, ставшей органом так называемого УНО.

Подобная история повторилась в появлении на свет уже в Мюнхене бандеровского листка «Шлях перемоги», насквозь пропитанного ядовитой фашистской желчью. Но, по-видимому, наиболее комедийным из этих «шляхов» стал лондонский журнал, вокруг которого толкуются со своими воспоминаниями, записками, опусами обанкротившиеся политиканы и бездарные литераторы всех мастей и поколений. Иступленно пытаюсь быть серьезным, этот журнальчик с паукообразным трезубцем на обложке вызывает иронически-презрительную улыбку уже своим названием «Визвольний шлях»¹. Куда же он ведет, этот «шлях», через Британские острова? Только до крутых океанских берегов, откуда открывается единственная перспектива дальнейшей «экспатриации» — непосредственно в океан.

Однако по этому «Визвольному шляху» протискиваются в

¹ Освободительный путь (у к р.).

историю различные коммивояжеры. О двух таких хлестких «вызволителях» и пойдет речь ниже.

...Его ударили по темени почти пятьдесят лет тому назад. С тех пор и поныне он никак не сообразит, что же с ним стряслось. Как ни напрягает память, сколько ни роется в документах и свидетельствах, а скандальная история бегства с Украины не перестает быть скандальной. Вот ему и приходится фальсифицировать события, выдумывать факты, изворачиваться и лгать. Но мы убеждены, что все, чем он, «доктор» Дмитро Куликовский, набивает страницы «Визвольного шляху», не приносит утешения ни читателям, ни автору. Самообличающего и самоубийственного юмора во всей своей писанине мистеру Куликовскому избежать никак не удастся.

Ситуация, о которой он вспоминает, была довольно грустная и совершенно трагическая. Банды Петлюры и Тютюнника, побитые оружием и гневом народа, удирали под крыло Речи Посполитой. Пан Юзеф Пилсудский, оклемавшись после похода на Восток, обещал приют всем, кому посчастливится «эвакуировать» свою черную душу из Советской Украины. Когда запыхавшихся, изнеможенных беглецов остановила пограничная стража уже на «той» стороне границы, никто из них, голодных и злых, не мог промолвить слова. А требовалось что-то хотя бы брякнуть не по-нашему, так как Европа равнодушна к ученым словечкам. Тут-то и пригодилось Дмитру Куликовскому кое-какое знание латыни.

— Сэрвус, панове! — поклонился он напыщенному шляхтичу.

— Пшепрашам, цо ест паньству потшебнэ? ¹

— Кондицио синэ ква нон,— выдавил из уст Куликовский, пошатываясь на ногах.

— Не разумем,— сознались стражи.

— Е-э-эсть хотим...— простонал Куликовский. Вероятно, никогда так упрощенно и так точно не приходилось ему раньше переводить известную латинскую фразу. В самом деле, для каждого из еле живых бродяг даже необгрызенная кость была «кондицио синэ ква нон», то есть необходимым условием существования.

Через некоторое время хозяева весьма красноречиво намекнули, что между официальным гостеприимством, декларированным Пилсудским, и фактическим приемом недобитых узэровцев будет существенная разница. К полевым кухням, окруженным «храбрым желто-голубым» воинством, польские интенданты подвезли... пять бычьих голов.

Не знаем, протестовал ли тогда Куликовский против столь

¹ Прошу прощения, что господам нужно? (п о л ь с к.).

унизительной выдумки союзников, но ныне в своих воспоминаниях, опубликованных журналом «Визвольний шлях», престарелый вояка не сдерживает возмущения: «Это было откровенное издевательство над человеческим достоинством и разумом, какое могли учинить только поляки».

Впрочем, это возмущение кажется лишь каплей в сравнении с той лужей непроглядной, тягучей и густой ненависти к собственному народу, какую носит в себе пан Куликовский всю жизнь. Да и не удивительно. С какой стороны ни подступись, а анализ причин поражения однозначен — украинский народ «повинен» в том, что тысячи куликовских дотлевают от злости и безнадежности на зарубежных свалках мусора. В «Социологической студии», которой «Визвольний шлях» мордовал своих читателей несколько месяцев подряд, пан доктор, словно тонущий за соломинку, схватился было... за казацкий «оселедець»¹ в надежде переплыть бездонное отчаяние и прибиться к берегу пусть призрачных надежд. На миг горе-социологу показалось, что народ не отвернулся бы от националистических проповедников, если бы некоторые неосторожные политики не лишили его древней мистики, атрибутов старинного казачества, хотя бы вот этого «оселедця». Тут он откровенно материт своего бывшего идейного наставника В. Винниченко, который «несколькими заходами (ко всему,— на всеукраинских войсковых съездах) говорил: «Зачем нам игра в эти «оселедци»?!» Дальше и себя, некогда очарованного В. Винниченко, автор «студии» огрел таким укором: «Почему никто не сообразил прогнать со съезда этого примитивного «лидера-поводыря»? Вот в этом-то и есть наша тогдашняя трагедия!»

Вот, оказывается, в чем дело. Теперь нынешний самозванный доктор раскумекал, почему он вместе с генералом Омеляновичем-Павленко не смог провести на Подолии ни единой мобилизации в отряды УНР. Кому же нужно такое войско, где вояке запрещают носить «оселедець»? Лишенные этого клочка нестриженных волос на бритой голове, вспоминает Куликовский, «... мобилизованные, получив кое-что из военного обмундирования, на второй или третий день бесследно исчезали из своих частей, сбежав, очевидно, домой». «Ведь не является тайной,— свидетельствует дальше Куликовский,— что в ноябре 1920 года... реку Збруч перешли максимально 25 тысяч украинских вояк, и то вместе со всеми учреждениями и чиновниками. Это составляет 0,05 процента от всего украинского народа».

Но и эта иллюзия, которой пан доктор собирался пояснить

¹ Буквально — селедка. Здесь — пучок волос на бритой голове, оставляемых некогда казаками-запорожцами (у к р.).

тогдашнюю ситуацию, развеялась прочь от дыхания песни, внезапно долетевшей до него через десятилетия на чужбину. «Ой, наступала та чорна хмара...» — отчетливо послышалось ему, и он ужаснулся от воспоминания. В самом деле, с ним было все точно так, как поется в этой песне: «Ой, берут дуку¹ за чуб, за руку, третий в шею бьет...» Точно так же врезали между ушей и ему, дуке-кровопийце в начале революции, и отшибли разум.

Сперва завзятый «исследователь» бросается очертя голову в глубину веков, чтобы нащупать родники, из которых вытекает эта песня.

«Должно было что-то в лесу издохнуть, — готовится он к путешествию сквозь тысячелетия, — чтобы в нас зародилась мысль, будто корни наших теперешних несчастий тянутся со времен (а может, и еще дальше), когда Геродот без штанишек бежал в своей Элладе (или Карийском Галликарнасе)».

Далее социолог с похвальной тщательностью объясняет, что дука, или дукач, — это человек, имеющий много дукатов, иначе говоря, денег. Слово же «дукач», — с ученым видом толкует он, — латинского происхождения (дукач — вождь, предводитель). Деньги, называвшиеся «дукатами», выпускала держава — на одной стороне барельеф главы государства, на второй — государственный герб.

Наконец, «доктор» Куликовский докапывается до того, за чем рылся: «Как видим, в песне проводится не только игра слов «дукач — богач», но и явно протаскивается антидуковская интенция».

Испытав эту «интенцию» на собственной шкуре, он воспылал неистовым гневом. Как осмелилась эта «голота» так отвалтузить собственных «дук», навсегда лишить их власти и выместить прочь из Украины? Понимает ли он, народ, что «исполкон веков человечество детерминирует происхождение единоличной монаршей власти непосредственно от бога — «мы, божию милостию...» Это же «установление полностью распространяется и в отношении многопредставительной власти всей руководящей прослойки (дук)»?!

В частности, пана Куликовского до бешенства раздражает любовь нашего народа и к этой милозвучной песне: «Ой, наступала та чорна хмара...». Да разве можно такой народ уважать? Более того, разве нет оснований подозревать такой народ в непорядочности, в отсутствии разума? Вот так он и пишет черным по белому, захлебываясь от ярости и презрения: «...если сам народ, то есть полноценная национально-социологическая фор-

¹ Богатя (у к р.).

мация... любителю ненависти к одному или нескольким своим же ведущим и пропагандирует активное их уничтожение, стало быть, такой народ не может являться ответственным за свое поведение и его голос в подобных случаях уже не является голосом божьим. Наоборот, его голос есть горячечный бред, и он сам рано или поздно потребует опеки над собой и лечения».

Опуская все прежние «кривды», пан Куликовский не прочь предложить свою «опеку над хворым народом», хотя и озлоблен на него до крайности. Как средство быстрой помощи он предлагает некую таблеточку. Верно, к ее употреблению нужно соответственно подготовиться — процедить мировоззрение, лишить его материализма и диалектики. Это учение, как утверждает недобитый изувер, построено на... зависти бедных к богатым.

Таблетка же пана Куликовского смахивает на плесневелую сентенцию, которую хочется выплюнуть не разжевывая. Вот содержание этого поучения: если свободный украинский народ хочет возвратиться «к полнокровному и полноценному национальному обществу», он обязан запомнить, что такое общество во всем мире и во всех временах имело, имеет и будет иметь единственную социологическую структуру: национальное руководство (дуки!) плюс национальная и послушная масса.

Вот какую «студию» врезал доктор Куликовский. Она еще раз подтверждает, что не ошибся старый националистический вепрь Дмитро Донцов, «утешая» себя и своих приспешников вынужденным признанием: «Нашей болячкой было и есть безголовье».

3. «Раскованное» слово ренегата

Магистр от интриганства Владимир Шаян был известен в кругах галицийской интеллигенции в тридцатых годах. Скажем сразу, репутацию имел весьма незавидную, прямо говоря — паршивенькую. В революционной среде ему не верили. Слишком уж крикливо он клялся в верности марксизму, а одновременно нападал на подлинных революционеров с позиций анархизма. Так в статье «Взломаем действительность» он яростно набросился на Степана Тудора, обвинив его в ревизионизме. Троцкист по поведению и иезуит по убеждениям, он все ближе сходил в действиях с польской охранкой — «дефензивой» и с националистами. Именно эти черные силы в союзе с ренегатами типа В. Шаяна, К. Ярана и иже с ними нанесли в 1932 году удар из-за угла по прогрессивным организациям. Были разгромлены редакции народных изданий, а в том числе

журнал «Окна». Но даже после этого янычару удавалось некоторое время маскировать свое нутро.

Освобождение Западной Украины Красной Армией оглушило ренегата. Казалось, он потерял дар речи и на веки веков останется заикой, не осмелится больше «ломиться» в литературу и политику. Но это был лишь маневр, маскировка.

Едва во Львов ворвались гитлеровские штурмовики и «соловьи» из «Нахтигаля», Владимир Шаян поспешно выскочил на «плац» предательского политиканства. Его не смутило то, что Львов немедленно перекрестили в Лемберг, что на уличных табличках появились дьявольские названия «Гитлерштрассе», «Герингштрассе», а из Янова по утрам и по вечерам доносились раскатистые очереди автоматов, вопли обреченных и зловеющий скрежет «индустрии смерти» фашистских душегубов — костедробилки.

Прибавив к званию магистра «почетный» титул «ответственного» секретаря объективно не существующей организации украинских писателей во Львове, преданный ландскнехт во всю глотку выкрикивал «хайль» и «новому порядку» и всем фюрерам, от рядового эсэсовца, опекавшего «союз» графоманов, до верховного маньяка, «освободившего» всех своих приспешников от «ненужной химеры — совести». Руки коллаборационистов нестерпимо потянулись к перу, мучительно захотелось выплеснуть на бумагу все, что болталось в душе.

Уже 28 сентября 1941 года В. Шаян печатает в «Львовских вестях» статью, немедленно замеченную ведомством «Остпропаганде» как «образец правильного восприятия и толкования «идей века». В этой статье новоявленный певец «дистрикта Галициен» обливал помоями советских писателей, жаловался, что до прихода гитлеровцев ему не писалось, восторгался, что теперь его «раскованное слово» взвывается орлом «под буйный ветер столетий к высокому полету полными крыльями».

Так магистр Владимир Шаян стал под знамена гитлеровских покорителей и истребителей славянства. Единственным, что мешало ему высказывать впереди вернейших псов гитлеризма, была его врожденная трусость. Едва Восточный фронт откатился с Дона до Днепра, голос львовского оборотня утонул в испуганном визге нацистской сволочи, хлынувшей в западные зоны Германии в надежде отыскать пристанище под «опекой» американских «освободителей».

...И вот сейчас, спустя десятилетия, замечаем, как Владимир Шаян, величающий себя уже мистером профессором, управляет на страницах «Визвольного шляха». Доминирующий мотив всех его статей и «исследований» — лютая ненависть ко

всему связанному с Советской Украиной, боязнь даже мысли о том, что идеи коммунизма ширятся на всех континентах.

Но получается так, что писанина ренегата оборачивается против него же, словно бумеранг, ему же разящий череп. Проанализируем хотя бы такое «умозаключение» этого так называемого «профессора»: «янычаром называется тот, кто полностью и безоговорочно принял веру или идеологию врага, как свою собственную». Вот уж самокритично высказался хамелеон, давно перекрестившийся в антикоммуниста перед образом доллара и фунта стерлингов! Подтверждая собственное признание, В. Шаян становится в позу защитника неожиданных «литературоведческих» контрверсий и «человеколюбивых идей» генерала Эйзенхауэра, осквернившего своей скандальной речью открытый в Вашингтоне памятник Т. Г. Шевченко.

Особенно беспокоит В. Шаяна то, что чем дальше, тем больше обманутых националистами эмигрантов начинают положительно относиться к Советской Украине, ждут от нее вестей, одобряют и приветствуют культурный обмен между Востоком и Западом. На тех, кто ищет контактов с советскими туристами, он, по существу, официально доносит полицейским властям, заявляя: «Организация контактов с представителями чужих стран — это в нормальном обществе прерогатива правительства или соответственно уполномоченных учреждений». Об этом, дескать, должны хорошо помнить те, кто еще называет себя «единомышленниками националистов».

Игнорируя факты живого литературного процесса, В. Шаян отчаянно пытается доказать, что метод социалистического реализма запрещает (!) «психологическое углубление персонажей произведения», не разрешает «индивидуализацию характеров», лишает автора права «проекции своего мировоззрения или взглядов». Единственный пример, приведенный В. Шаяном, вдребезги разбивает его фальсификаторскую болтовню. Кто мог додуматься до В. Шаяна, что большому мастеру кино Александру Довженко тему и героев фильма «Щорс» подсказала не верность исторической правде, а только насильно от этой правды оторванный метод социалистического реализма. Слишком уж допек оборотня там где-то над Темзой крепкий монолог Чижая: «Бедные были, скажу, и очень сердиты, так как зло набиралось на наши головы многими сотнями лет... Один Петлюра, гад, чего стоит! А тут еще разные эти... гетман, и прочие мелкие банды... Ух, гады!»

В надежде найти единомышленников В. Шаян иронически выкрикивает: «Это уже подлинный, гениальный апогей соцреализма!» Но, чтобы никто не подумал о фильме иначе, он не советует обращаться к советским исследованиям творчества вели-

кого мастера, в которых фильм «Щорс» трактуется как один из счастливейших взлетов доуженковского творчества.

Не под силу оказалась В. Шаяну стычка с социалистическим реализмом.

Такова горькая правда, которой боится заглянуть в глаза Владимир Шаян. Впрочем, он лишь притворяется, будто не замечает неоспоримой истины. На деле же он, как и прочие подобные ему янычары, давно разделил с Евгеном Маланюком его строки безысходности и самоуничужения: «Проиграли мы жизнь сатане, черный грех нас навеки опутал».

СОДЕРЖАНИЕ

Тайна убежища «Fortuna»	3
Мучения смиренного Иллариона	15
Право выбора	21
Волки над пропастью	25
Исповедь людомора	30
Ой, наступала та чорна хмара	38

Дмитро Цмокаленко
ТАЙНА УБЕЖИЩА «FORTUNA»

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор Я. Борисов.

А 01166. Подписано к печати 17/VII 1969 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 2,10 условн. печ. л. 2,93 учетно-изд. л. Тираж 101 200.
Изд. № 1123. Заказ № 1364. Цена 6 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 6 коп.

Индекс 70668

СЛИВОЧНОЕ МАСЛО — ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Около 10 видов насчитывает СЛИВОЧНОЕ МАСЛО: несоленое, соленое, кисло-сливочное, шоколадное, фруктовое, медовое, вологодское.

Любое масло содержит ценнейшие витамины — А, В₁, В₂, Д, С, Е, а также большой процент молочного жира, в котором имеются необходимые для человека так называемые ненасыщенные, а, следовательно, легко усваиваемые жирные кислоты.

Человеческий организм нуждается ежедневно в 20 граммах сливочного масла. В ежедневном рационе каждой семьи СЛИВОЧНОЕ МАСЛО необходимо.

Росторгпреклама.

